

ЮРИЙ КОВАЛЬ

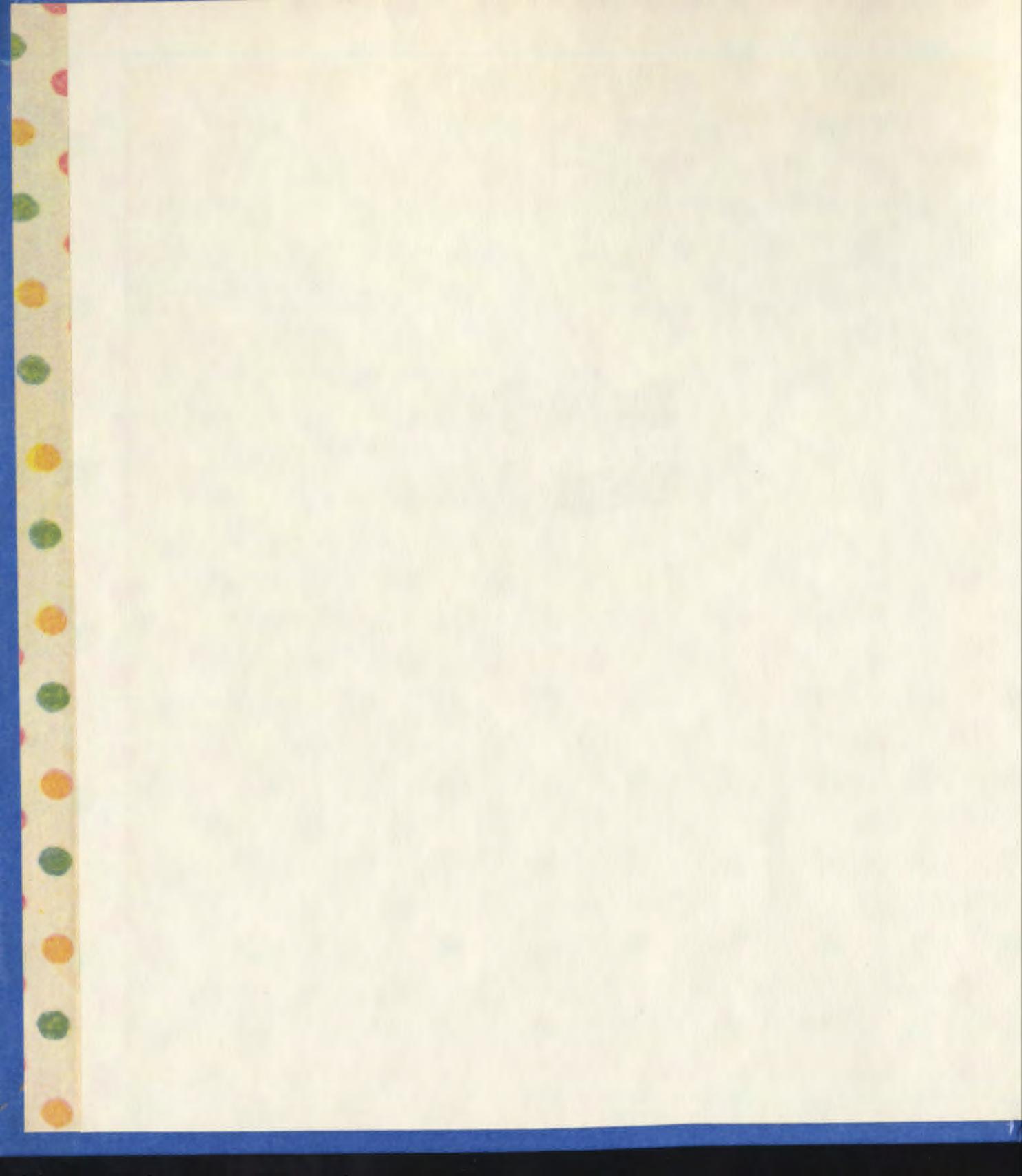
НЕДОПЕСОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»

**Рисунки
Дмитрия Трубина**

ЮРИЙ КОВАЛЬ

НЕДОПЁСОК

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»

ЮРИЙ КОВАЛЬ

Говорят, что Юрий Коваль — писатель открытого сердца. Родился ли он с таким сердцем, или раскрыл его по ходу дела — неизвестно. Только для многих людей, которые повстречали и встретят его ещё, Юрий Коваль — это, конечно, подарок.

Чтобы понять, дорог ли нам писатель, или не очень, — надо представить, чтобы было, если б его не было. Много чего не было бы, в том числе — моих любимых книжек: «Пять похищенных монахов», «Пограничный пёс Алый», «Чистый Дор», «Листобой», «Кепка с карасями», «Самая лёгкая лодка в мире», «Приключения Васи Куролесова»... Покорный судьбе недопёсок весь недопёсий век с потухшим взором просидел бы в клетке. И ничего с ним не случилось бы. И напрасно близкие хриплые голоса — абсолютно неизвестно чьи — звали бы и кричали из-за угла: «Юра, Юра, про нас напиши!»

Плохо нам без него бы пришлось. И как всё-таки здорово, что на свете есть писатель Юрий Коваль!

...Когда-то Юрий Коваль работал учителем в сельской школе в деревне Емельяново. В пятом, шестом и седьмом классах вёл он русский, литературу, историю, географию, рисование и пение.

Многое в повести «Недопёсок» от тех емельяновских времён. Одна из лучших глав «Недопёска» — «На севере диком...» — это урок учителя Коваля.

Кто-то подумает: Юрий Коваль разбрасывается. Писатель, а пишет картины, делает скульптуры, обжигает эмали на кастрюльной фабрике. Он бродит по лесам и болотам, сидит на Цыпиной горе, чья высота всего-то двести метров, а видно оттуда, говорит Коваль, всю Россию, — и песню поёт про Ивана в сундуке.

Но вот как-то раз пришли к нему некоторые люди и сказали:

— Открываем выставку! Называется «Ни уму, ни сердцу». Есть ли у вас что-нибудь для нас?

Коваль искал-искал, всю мастерскую перерыл, нашёл старый чайник без носика. Понёс на выставку, но с дороги домой вернулся.

— Нет, — говорит, — мне этот чайник дороже всего на свете. Многое уму говорит. Я, может быть, разбрасываюсь, но всё же я очень любящий чайники без носиков человек.

А мы добавим, что не только чайники без носиков, но и очень любящий людей.

Я вам больше скажу. Если б так случилось, что инопланетяне прочитали Коваля, они бы прониклись симпатией к землянам.

Марина Москвина.

Посвящается
Белле Ахмадулиной

Тобер

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем — голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

— Ты прошлый месяц получала,— сказал Некрасов.— А теперь пускай другие.

— Ах вот как! — ответила Прасковьюшка и задохнулась. У неё от гнева даже язык онемел.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорчённая до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, всё глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдёт в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумлённый голубой песец за номером сто шестнадцать.

Анонимный звон

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

— Другим-то премию выдал! — горячилась она. — А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

— Где ж у тебя дети? — удивлялась Полинка, молодая работница, бывшая пэтэушница.

— Как это где! — кричала Прасковьюшка. — У сестры — тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали её, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнёсся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» — крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решётку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая — внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой — и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки — по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий.

Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза её окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

Характер директора Некрасова

Цепляясь кормовым тазом за ручки дверей, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре посреди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

— Пётр Ерофеич! — крикнула она. — Наполеон сбежал!

Пётр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью: «Щенение».

— Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причём до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

— Отвинтил лапкой крючок,— забормотала Прасковьюшка,— и сбежал, а с ним сто шестнадцатый, голубой двухлеток.

— Лапкой? — хрипло повторил директор.

— Коготком,— пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рявкнул:

— Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, заныл, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он — горячий.

Давидов

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своём посту Некрасов работал давно и хозяйство вёл образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Чингисхан, Маугли.

Недопёсок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал ещё настоящим песцом, а был щенком, недопёском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет — не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы всё-таки подобрали — «платиновый».

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя — подпушь, была облачного цвета, а сверху покрыли её тёмно-серые шерстинки — вуаль. В общем, получалось так: облако, а сверху — серая радуга. Только мордочка была у Наполеона тёмной, и прямо по носу рассекала её светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопёсок перешеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом — «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

— Сколько раз я говорил: заделать дырку! — кричал на ходу директор.

— Так ведь, Пётр Ерофеич, — жаловался в спину ему Филин, — тёсу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Переобулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачёв, у которого был гончий пёс по имени Давило.

Ноздрачёва дома они не застали.

— Откуда я знаю, где он! — раздражённо ответила жена. — Он мне не докладывает.

— Гони в магазин! — крикнул Некрасов шофёру.

Охотник Фрол Ноздрачёв действительно оказался в мага-

зине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.
— Товарищ Ноздрачёв! — строго сказал директор. — У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след!

Охотник Фрол Ноздрачёв лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачёву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачёва любил сидеть в тёплом магазине с приятелями.

— Я человек занятой, — недовольно сказал Ноздрачёв, — поэтому интересно: что я за это буду иметь? Какие привилегии?

— Немалые, — ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило — огромный широкоплечий пёс с печальными глазами — был поставлен на след у забора.

— Давай! Давай! — орал на него Ноздрачёв, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жёсткий, железный! Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

Снежное поле

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и охлаждал пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но всё же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю — на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу — снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопёску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лёг на бок и перекувырнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопёску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду — в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезая из

пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперёд, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега.

У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нём отпечатались какие-то звёзды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и пёсьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопёсок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В лесу

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил её, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сенодушными июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые ёлки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило ещё снегу, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звёздами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел чёрный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» — сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными берёзками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошёл сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не смогла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздражённо усе-

лась на ветку козьей ивы, закрутила зелёной головой. Настроение у неё совсем испортилось.

Неподалёку, под ёлками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелёк, прямо под кучу еловых веток. Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами ёлок — звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце её, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

Кто стрелял?

— Что такое! Что ещё такое?! Кто стрелял?

Близкий, неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были рукавицы — хватать, в случае чего, песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

— Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю! — грозно повторил директор.

— Ясно кто,— угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалёку в кустах, стараясь замаскироваться.— Обормот Ноздрачёв.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбуждён, шоколадные глаза его налились кровью.

— Ноздрачёв!— сурово крикнул директор.— Это ты стрелял?

— Да я тут косога зашиб,— слышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачёв вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачёва кислым бездымным порохом «Фазан».

— Токо выхожу на просек,— возбуждённо стал объяснять Ноздрачёв,— косою чешет. Я ррраз через осинки!..

— Где песцы?

— Песцы-то? — растерялся охотник.— Наверное, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачёва, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

— Погоди, погоди,— вслед ему сказал Ноздрачёв.— Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут всё кругом знаю, не уйдут!

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачёв, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали

директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

— Не волнуйтесь, Пётр Ерофеич,— говорил тем временем Филин, догоняя директора.— Побегают, жрать захотят— через недельку сами вернутся.

— Да за недельку они от голода помрут!— недовольно сказал директор.— А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

— Вот это вопрос!— подтвердил Филин.— Что же делать?

Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.

— Надо попробовать Маркиза,— сказал он.

Верейя

Серый денёк ещё посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал чёрный ручеёк. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма— верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времён, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего позёмку. По можжевёловому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях

ёлки тёмную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг неё, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали её потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним — Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были тёмные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды — яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля — во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребрённым поясом, с которого свешивается сверкающий звёздный кинжал!

Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звёздочек, — нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звёздные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно, из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

— Гайки не забудь затянуть!..

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

Барсучья ночь

Всю ночь в овраге под верейй возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полоски на носу его посветлели, подошёл к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобратить, что за зверь перед ним — то ли пёс, то ли лис. Кто его разберёт? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго ещё бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу, тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не

бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принёс звероферме сбежавший Наполеон. Дёргался директор, метался под одеялом.

— Катя,— говорил он во сне,— дай кисельку клюквенного!

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, била в подушку кулаками.

Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачѐв, и снился ему тёплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, поохотнички храпел Ноздрачѐв, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейеррр-бах! Фейеррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца. Под утро ушёл Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго ещё светила над ёлками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием — Бетельгѐйзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз, сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улѐгся, над далѐкими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьявканье, шорох увядших трав, припорошённых снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься вверх.

Наполеон ощетинился.

Вздрогнул, зашевелился куст можжевельника — и низенький, рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил.

Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

Маркиз

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пышным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решётку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопёсок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску — не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомлённо зевая.

И вход в пещеру, и подножие ёлки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее

и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвёл Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопёску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, отщёр плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

Скоро осталась позади барсучья верёя — поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заметил беглецов, но не шлохнулся в еловом шатре, хоть и невиданными показались ему бегущие звери — рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза.

Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернётся на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда ещё так далеко в лес не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвёл беглецов вокруг верей, поставил их к северу хвостом.

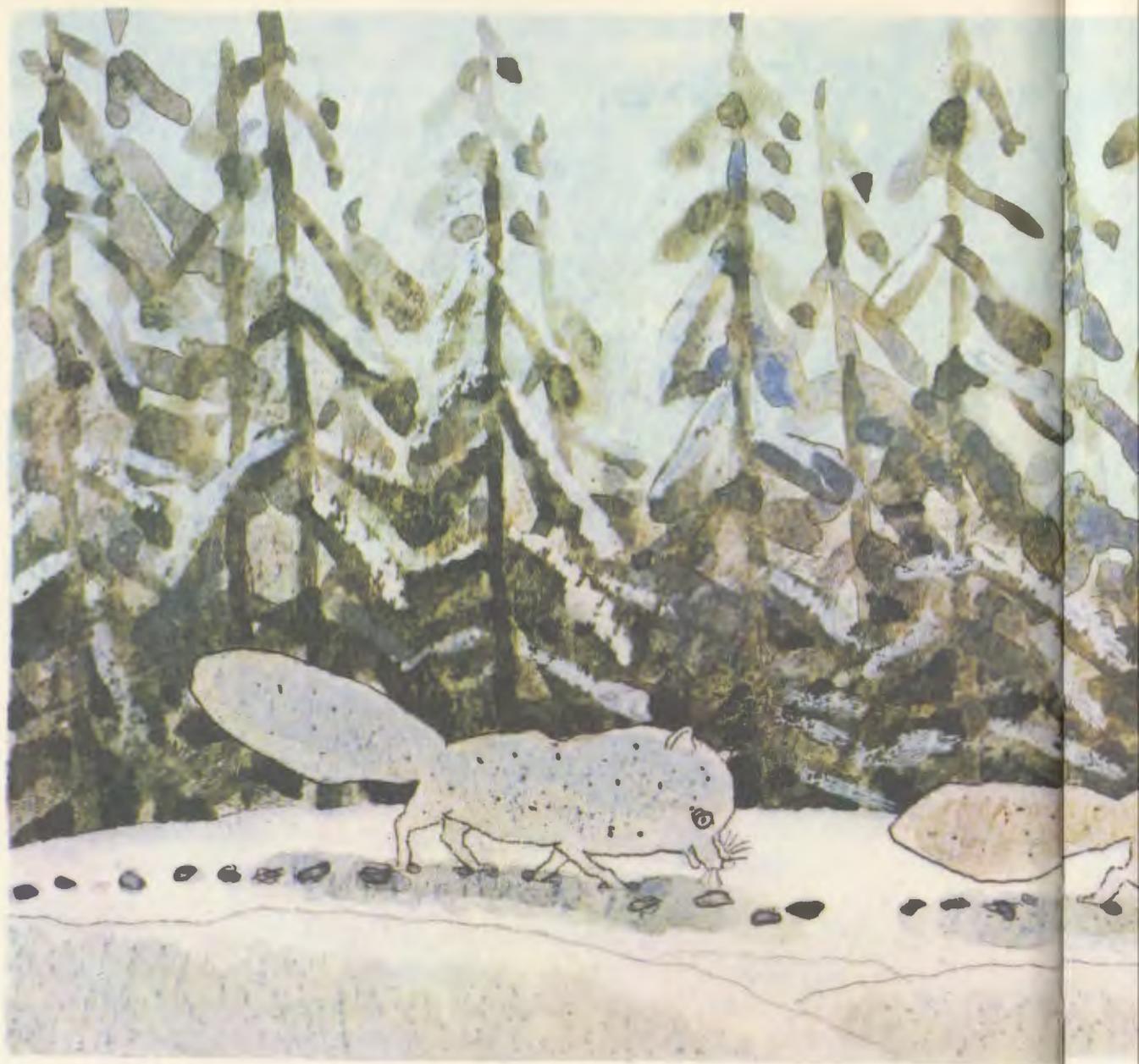
Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вёл его вожак, а сзади поторапливал Сто шестнадцатый, который ни в чём не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ними легло широкое белое поле. А за полем — дощатый забор, редкие ёлки с обрубленными до самых макушек сучками, и между ними огромный кирпичный гриб — водокачка, отмечающая над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко послышалось тьяканье песцов, кислый запах мёрзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук — песцы играли на тарелочках.

Сто шестнадцатый разбивается на части

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы:

давайте, мол, вернёмся, ребята, пожрём, выспимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый — голубой двухлеток — от этой бестолковой беготни и чувствовал себя сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждёт тебя уютная, в общем-то, клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома! Толкутся эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то приткнутся к другому, а за душой нету ничего — ни клетки, ни пойлушки.

Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси — работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбередили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопёсок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, — похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тьякнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивлённо Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопёсок решение, тряхнул импе-

раторской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего пса. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось вроде пожрать и выспаться, с другой — тянул за собой недопёсок, убегающий в открытое поле.

О недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная чёрная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, рассекла её ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост — лёгкий, как тополиный пух, тёплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика! Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост Недопёска! Ни лиса, ни соболь не похващаются таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком или осинником. Торжественнейший хвост, формою похожий на дирижабль.

Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выспаться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: всё-таки вместе с недопёском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

Серая лиса

Песцы пересекли поле и попали на просёлочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился жёлтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остаётся следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рёв.

Громыхая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопёсок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофёр Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! — подумал Шамов. — Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нащупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из кабины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок — гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелёт!» — огорчённо подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофёра билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но ещё отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песца телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дёргался и не кусался. Он потрясённо смотрел на шофёра Шамова и не мог понять, что же это такое.

— Серую лису поймал! Серую лису поймал! — закричал Шамов. Уши его пылали от радости. Шапка подскакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого и вдруг подумал:

«Да это ведь не лиса! Это, наверно, со зверофермы зверь».

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать — затаить ли добычу, или везти на звероферму как государственную собственность.

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

— Эй, тётка, — крикнул он сторожихе у ворот, — где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут же началась вокруг Шамова кутерьма.

Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как, и не видал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию — двадцать рублей.

Премия Шамова ошеломила. Он долго мял её в руках и повторял однообразно:

— Ну как раз к праздникам!

Да, повезло шофёру Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонялся за синей птицей и вдруг — серую лису поймал!

С тех пор шофёр Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей. Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попадалась.

Космонавты и недёса

Когда грохот машины заглох, недёсок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал Сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убираться.

Пока он соображал, из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землёй.

— Смотри, — заорал первый мотоциклист, — лисёнок!

Второй не расслышал ничего за рёвом мотора, а только весело махнул рукой и помчался по дороге. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону — мотоциклы промчались мимо.

Не понимая ничего, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Мотоциклисты вдруг заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопырив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недопёсок выскочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

— Догоняй! Уйдёт! — закричали мотоциклисты, завели моторы и дунули вдогонку.

По корявому полю ехать им было трудно — мотоциклы с рёвом подпрыгивали на мёрзлых кочках. Как тысячи пустых пойлушек, визжали в них стальные шестерёнки, снежная грязь фонтаном била из-под колёс.

Вправо, влево кидался недопёсок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого рёва.

Наконец один из мотоциклистов неловко поворотил — мотоцикл грохнулся набок. Второй наехал на него, зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла — заварилась на поле грохочущая каша из колёс и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону, собираясь, видно, схватить его. Наполеон укусил перчатку изо всех сил. С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под нею проложена какая-то труба. Недопёсок нырнул в трубу.

Твой с дворняжками

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались колпаки, вытаскивая на дорогу мотоциклы. Они долго не уезжали,

что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона — звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки наконец уехали, недопёсок вылез из трубы и побежал вперёд, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, и она слабо трепыхалась, пытаясь вырваться.

Теперь недопёсок бежал не по дороге, а вдоль неё и, слышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой.

Поле пошло внаклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

Недопёсок добежал до забора, не раздумывая, нырнул в дыру и увидел другой забор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор. За ним чернел деревянный горб — дом.

Недопёсок побежал было назад, потом — в сторону, но всюду вокруг него были заборы и дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыш.

Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину.

Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком.

У крыльца стояла жёлтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина. Увидев недопёска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом в полтабуретки, и напоминала чем-то поросёнка.

Недопёсок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой — и мотоциклетная перчатка, как

большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка уселась на неё верхом.

Но тут к Наполеону подскакала Полтабуретка, отвратительно затыкала и схватила его зубами за шиворот. Огромное количество меха набилось ей в пасть. Она вырвала клоч, стала отплёвываться и тут же завопила во всё горло, потому что песец вцепился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

— Наших бьют! — кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться дворняжки, и скоро у крыльца закипела собачья свара. На шум из магазина выскочил какой-то человек в резиновых сапогах.

— Ку! — заорал он, расталкивая собак сапогами. — Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Только недопёсок остался у крыльца на земле, а рядом с ним валялась на снегу изжёванная мотоциклетная перчатка. Человек поднял её, примерил, и перчатка впору пришлась по левой руке.

— Какая дурацкая рукавица! Неуж из-за неё псы грызутся? — сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки?

Этот человек был плотник Меринов.

Хороший плотник Меринов

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для

пчёл, делал берёзовые табуретки. Кроме того, он был ложечник, вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопёска, Меринов понял, что перед ним щенок.

«Английский шпиц,— подумал он.— Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно. Во дворе у него жила собака Пальма, которую плотник любил почесать за ухом.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, уткнулся в плотницкий резиновый сапог.

— Что такое? — удивился плотник. — Чего скулишь? Ступай к своим дачникам!

Шпиц английский к дачникам, однако, не пошёл, а всё как мёртвый лежал на земле. Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на самого ободранного в мире щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными клочьями торчал драгоценный мех, сваялся колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

— Потрепали тебя, бедняга! — говорил плотник. — А в другой раз будь умнее — не связывайся с дворняжками. Ну ладно, сейчас я тебя куда-нибудь пристрою!

Он взял шпица за шкуру, будто котёнка, и понёс его в магазин.

В магазине было шумно, народ толпился у прилавка.

— Кому щенка! — закричал плотник. — Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продавщица Ася крикнула:

— Иди, Мерин, домой! Надо нам твоего щенка!

Плотник Меринов покричал ещё, предлагая щенка, потом купил махорки-крупки и пошёл из магазина.

— Ладно,— бормотал он, выходя на крыльцо,— не хотите — не надо. Отнесу его домой, Веруне в подарок. На, скажу, тебе, Веруня, подарок — английского шпица. Пускай на дворе живёт. Да и Пальме будет веселее!

Плотник сунул недопёска за пазуху, а мотоциклетную перчатку в карман.

Сухо и тепло было за пазухой у плотника. Пахло махоркой и столярным клеем.

Пальма

Со звоном топая сапогами по мёрзлой земле, плотник Меринов подошёл к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела. А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, попыхтел дымом. Из сигарки сыпались на землю махорочные звёзды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку и вошёл во двор.

— Ну вот,— сказал он, вытаскивая недопёска из-за пазухи.— Вот мы и дома. Видишь этот дом? Это наш. И сарай наш. И вишни наши, шубинки. А Пальму не бойсь, она не тронет... Пальма! Свой!..

Плотник опустил недопёска на землю, вынул из кармана

мотоциклетную перчатку, кинул на крыльцо, а сам пошёл в дом. В открытую дверь блеснуло электрическим светом, и донёсся на редкость приятный, сытный и жирный запах — это хозяйка вынимала из печки вечерние щи.

Добротный двор был у плотника Меринова. Дом он срубил из толстых сосновых брёвен, наличники на окнах разукрасил травяным узором. Под окнами росли коренастые вишни-шубинки. С их веток свешивались длинные серые сосульки. Сбоку от дома был сарай, в котором тепло шевелилась мериновская корова Воря. У сарая стояли козлы и собачья конура, покрытая толем.

Из конуры вылезла толстая рябая псина. Она зевнула и, заметив недопёска, лениво гавкнула.

Это и была Пальма Меринова.

Она походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком, а на голове у неё росли развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадучке.

Большим и мокрым, розовым даже в темноте носом обнюхала Пальма воздух и вобрала сразу все запахи, которые имелись в нём: вечерних щей, мотоциклетной перчатки, Наполеона Третьего и даже запах луны, выскочившей на минуту из холодного облака.

Запах недопёска Пальме не понравился: очень он был жёсткий, жестяной. Но в то же время не вызвал особого раздражения.

«Что поделать, — добродушно, наверно, подумала Пальма, — бывают и такие запахи. Беда не велика. Главное — сердце, душа!»

Потряхивая своими тропическими ушами, подошла Пальма к недопёску. Он тут же упал на спину, выставив отросшие в клетке когти. Но Пальма не обратила на них внимания.

Она высунула огромнейший язык, который был ей явно не по росту, и лизнула Наполеона. Тёплым, ласковым и приятным был этот язык. Сравнить его можно было только лишь с корытом, в котором мамыши купают своих младенцев.

Вцепиться в такой язык недопёсок никак не мог. Он заскулил, подставляя Пальме живот и платиновые бока, и в один миг превратился из Наполеона Третьего в обычного щенка.

Пальма облизала как следует Наполеона и решила, что запах стал поприличнее. Она подтолкнула недопёска к конуре.

Пальма Меринова была вообще-то добродушная хозяйюшка, из тех, которые, зазвавши гостя, сразу же выставляют на стол всякие коврижки и шанежки. Под конурой у неё припрятаны были разные кусочки и огрызочки, и, раскопавши кое-что из своих запасов, Пальма принялась угощать Наполеона.

Урча, накинулся он на хлебные корки и петушинные головы, а Пальма похаживала вокруг него, ласково ворчала, потчевала.

Да, Пальма Меринова была радушная хозяйюшка, и, если б у неё в конуре был самоварчик, она, конечно, раскопегарила бы его.

Ночь в конуре

Сгустились сумерки, превратились в темноту, и сразу со всех сторон навалилась ночь на ковылкинскую землю. Не поймёшь, откуда она взялась: опустилась ли с неба или под-

нялась из глухих оврагов, заросших дудником, из барсучьих пещер.

К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Эта ночная холодная радуга нагнала на деревенских псов волчью тоску, и дружно залаяли они и завыли, глядя на луну.

Свет луны опечалил и Пальму, она тоже завыла, поддерживая своих односельчан. Голос её, тёплый вначале и бархатный, подымался всё выше, выше, растерял по дороге теплоту и бархат и уже тянулся к луне тонкой шёлковой нитью. Добравшись до самой луны, стала Пальма медленно опускать голову и увидела окна мериновского дома, освещённые электричеством. Электрический свет взбудоражил её, и Пальма залаяла, будто вызывала хозяев на улицу разделить с нею ночную тоску.

Голос Пальмы растревожил Наполеона; вспомнились хриплые крики песцов, голоса работниц, алюминиевый звон.

Глядя исподлобья на луну, он хотел подхватить, подвить деревенским дворняжкам, но ничего не получилось — из горла его вырвалось лишь тьяканье, похожее на старческий хриплый кашель. Никак не вязался этот простуженный звук с домашним собачьим воем, и не нужен был он в ночном деревенском хоре, как не нужен был здесь, в деревне, и сам Наполеон, чудный зверь, ни дикий, ни домашний — искусственный, выведенный человеком.

Под вой собак заполз Наполеон к Пальме в конуру, забился в самый дальний угол, зарылся в какие-то жаркие тряпки и задремал.

Перчатку мотоциклетную он взял с собою, потому что стала она совсем ручной.

Ветер, который гулял высоко в небе, рассеял облака, и

стало видно, как из ковылкинского оврага выливается на небо Млечный Путь — молочная дорога. И по дороге этой вдогонку за Тельцом, отмеряя ночные часы, медленно помчался Орион.

Грозно сверкнул кинжал на его поясе, изогнулся тугой лук, и вот стремительная стрела прочертила небесный свод, ударила в лоб небесному буйволу.

От грозного удара по всему небу посыпались искры — шальные кометы — и сгорели где-то над водокачкой маленьким кирпичным грибом, отмечающим над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Нет, не догнал Орион Тельца, не догнал вчера, не догонит сегодня и завтра. Куда проще директору Некрасову найти недопёска, вернуть на звероферму Наполеона Третьего.

«Надо было дать Прасковьюшке премию, — думал в этот миг директор Некрасов. — Всё же она старается... а теперь — одни неприятности».

«Ладно, проживу и без премии, — думала тем временем Прасковьюшка, — не в деньгах счастье...»

Засыпая, она беспокойно ворочалась на высокой кровати с серебряными шарами в изголовье, вздыхала, жалела себя и Наполеона, который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.

На небо набежала глубокая снежная туча, закрыла луну, плащом окутала плечи небесного охотника. И разом смолкли деревенские псы, загремели цепями, укладываясь спать. Только Пальма лаяла долго, пока не погас свет в окнах мериновского дома.

Пальма забралась в конуру, притиснула Наполеона к стенке. От неё исходил такой мощный жар, что Наполеон задохнулся, задёргался, не просыпаясь, установил нос свой

точно на север и обнаружил щель в стенке конуры. Он при-
ник к ней носом и успокоился. Из щели тянуло холодом,
пахло снегом, падающим с неба.

Заснул недопёсок Наполеон Третий, и, пожалуй, никогда
раньше не спалось ему так спокойно, как в эту ночь во дворе
плотника Меринова, под защитой горячей и добродушной
Пальмы. Снились ему длинные ряды клеток, Маркиз, кру-
тящий миску, и Сто шестнадцатый, который ничком лежит
на дороге.

Пальма спала уютно, похрапывала и посапывала. Ей сни-
лась большая кулебяка, которую испекут, наверно, к празд-
нику.

Большая Вера Меринова

К утру повалил снег, да такой густой, что плотник встал
пораньше — расчищать дорожки деревянной лопатой.

Пальма вылезла из конуры и сладко зевнула. За Паль-
мой появился недопёсок и тоже принялся зевать и потяги-
ваться.

— Вишь ты, — засмеялся плотник, — зеваешь! Пригрела
Пальма-то? Верунь, выдь на крыльцо, глянь, кого я тебе
принёс!

На крыльцо вышла дочка плотника Вера, большая девоч-
ка, которая училась во втором классе. По росту Вера дого-
няла своего папашу, а на плечах у неё лежала туго сплетён-
ная коса, потолще корабельного каната.

— Это что за типчик? — спросила Вера, глянув на недо-
пёска. — Папань, ты зачем шутики шутишь?

— Это, Верунь, английский щпицок,—ответил плотник, который, кстати, и дочку свою слегка побаивался, потому что она была строга.—Его дачники бросили, а я пожалел.

— Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.

— Может быть, это помесь собаки с лисой? — неуверенно рассудил плотник.

— Папань, ты думай, что говоришь. Ну откуда возьмётся такая помесь? Лиса эвон где, а собаки—в деревне. Это зверь, а не собака.

Мамаша, Меринова Клавдия Ефимовна, вышла на крыльцо с полотенцем в руках. Как и у Веры, на плечах мамаша лежала коса, куда, правда, тоньше, чем у дочери. Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председателем на звероферме, видала и песцов, и черно-бурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

— Песец,—сказала она.—Он с фермы сбежал.

— Я его вчера у магазина от собак отбил,—хвастиливо сказал плотник.

— А что это, интересно, ты делал у магазина? —спросила Клавдия Ефимовна.

— Так, Клав...—замялся плотник.—Сама знаешь, махорки-то надо купить. А где ж её взять, как если не в магазине?

— Весь двор провонял своим табачищем,—недовольно заметила мамаша Меринова и, присевши на корточки, стала разглядывать недопёска.

— Какой мех красивый!—говорила Вера.—Мам, налей ему щец!

— Нечего зверей прикармливать. Пускай отец сядет на велосипед да отвезёт его на ферму.

— Не надо его на ферму, мам,— сказала Вера.— Пускай он у нас поживёт. Будет как собачка. Давай мы его пригреем!

— Куда я, Клав, теперь поеду,— поддержал Веру плотник.— Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

— Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытащил из-под крыльца какую-то верёвку и пошёл за калитку, сказавши загадочно:

— Схожу за жердями.

Взвращение шм

Осторожно по шерсти попробовала Вера погладить недопёска. Он сжался и, насупившись, поглядел куда-то за забор. Лёгкие прикосновения человеческой руки удивили Наполеона, но ничего страшного в этом не было, и вдруг тёплая приятная дрожь пробежала по спине.

А Веру удивляло, какой у него чуткий мех. Он струился, шевелился под пальцами, был живым и даже на ощупь серебристым. Вере очень хотелось провести пальцем вдоль белой полоски, рассекающей нос недопёска, но она не решилась.

— Мам, принеси щей. Давай мы его прикормим!

Мамаша Меринова погладила Веру по голове и сказала:

— Ты у меня молодец. Животных любишь. Ладно, всё равно сегодня новые ставить!

Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера.

Пальме налили в миску, а недопёску разыскала Вера бывшую сковородку с обломанной ручкой, накрошила в щи хлеба.

Пальма завилыла хвостом, подошла к своей миске и весело ударила по щам языком.

— Хлебай, хлебай, не робей! — подталкивала Вера Наполеона.

Он упирался, хотел для начала крутануть сковородку и лапой неожиданно зачерпнул щей. Облизнул и сразу понял, что никогда не пробовал ничего столь острого и солёного. Снова обмакнул лапу и зацепил какой-то лохматый узел.

— Это капуста, — пояснила Вера. — Хлебай, хлебай... Тут и луковки попадают, кругленькие, да, наверно, уж разварились, упрели. И картошка.

Наполеон слизнул капусту. Так и стал он есть: обмакивал в щи лапы и облизывал. Вчера щи пахли, может быть, и вкуснее, но и сейчас были они хороши. Кислый и жирный валил от них пар.

Пока налегал недопёсок на вчерашние щи, Вера Меринова принесла верёвку, ласково, лёгким бантиком обхватила его за шею, а другой конец привязала к кольцу, вколоченному в стенку конуры.

— Посидишь так до обеда, — сказала она.

Только облизавши дочиста свою сковородку, заметил Наполеон, что на шее у него что-то мешается. Вывернул голову и лапой попытался скovyрнуть верёвку, но плотно уже сомкнулась она на шее, зарылась в мех. Тогда ему показалось, что от этой штуки можно убежать. Он прыгнул в сторону — верёвка схватила за горло, и Наполеон упал в снег.

— Не волнуйся, не волнуйся, — успокаивала его Вера. —

Посидишь так только до обеда. Чтоб не убежал. А приду из школы, я тебе устрою домик.

Вера ласково гладила недопёска, уговаривала его, как мамыши уговаривают детей.

«Назову его Тишей», — думала она.

Вера Меринова была добрая девочка. Она любила животных, всех животных, всё равно каких. Но желательно — млекопитающих.

Полтабуретка

Мамаша Меринова ушла на работу, Вера — в школу. Дома никого не осталось.

А Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Наевшись, Пальма вспрыгнула на конуру и улеглась на её плоскую крышу ждать гостей.

Наполеон, пришибленный верёвкой, заполз в конуру. Ему казалось, что какой-то страшный, сильный и невидимый зверь схватил за шею и держит. Вот нажмёт посильней — разорвёт горло. Мотоциклетная перчатка, которая дремала в куче тряпья, зашевелилась, ласково провела указательным пальцем по чёрному его носу, рассечённому белой полосой. Наполеон заскулил, но не смогла перчатка развязать верёвку на его шее.

Скоро во дворе появилась гостья. Это была старая приятельница Пальмы — собачонка Полтабуретка.

Маленькая и злобная Полтабуретка имела скверный

характер. Она воровала всё, что попадалось на глаза, любила укусить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку. Только Пальма жалела её.

«Маленькие собаки — злые, — рассуждала Пальма. — Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые перепадали от мериновского стола, и Полтабуретка заходила каждое утро перекусить и вообще покалякать.

Увидевши гостью, Пальма приветливо махнула хвостом. Полтабуретка издали оскалилась, захихикала, подскакала к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос: чем это у вас тут противным пахнет? Пальма фыркнула добродушно: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.

Из конуры вылез недопёсок с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Полтабуретка зарычала, глазки её загорелись скандальным огнём. Она сразу вспомнила, кто ей вчера всю морду расцарапал.

Не рассуждая, кинулась она к недопёску, клацнула зубами и выдрала клоч платиновой шерсти. Наполеон вцепился ей в нос, и снова раздался неприятный визг.

Пальма соскочила с конуры, отёрла Полтабуретку плечом и встала между нею и недопёском.

«Погодите, погодите, ребята! — как бы говорила она. — Давайте вначале разберёмся, в чём тут дело».

Но Полтабуретка вовсе не хотела ни в чём разбираться. Из носу у неё текла кровь, а пасть была забита шерстью. Она не просто лаяла, она орала во всё горло.

На голос Полтабуретки прибежали рыжая Дамка, маленькая собачонка Мошка и бродячий пёс Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно ворчали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама влезла в неё, выставив наружу только лишь свою добродушную морду. Пальма миролюбиво ворчала, объясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это её знакомый или даже родственник и что, в конце концов, это её личное дело, кто живёт у неё в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогали. Свора вплотную приблизилась к конуре, а коварная Полтабуретка вскочила на крышу и стала скрести её когтями.

Собачонка Мошка, двоюродная сестра Полтабуретки, совсем обнаглела. Задними лапами она корябала землю — комья земли и снега полетели в морду добродушной хозяйке.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры и ужасно укусила двоюродную сестру. И тут же сцепились в одно лохматое колесо и Мошка, и Пальма, и Дамка, и Полтабуретка, и бродячий пёс Шакалок. А Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал, в конце концов, своего знаменитого тёзку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались морским узлом. Их морды были в середине узла, а хвосты трепетали снаружи. Узел прокатился по двору, перевернул козлы, но тут прилетела вдруг откуда-то консервная банка и врезалась в самую середину своры. И страшный послышался, грозный крик:

— Артиллерия! Огонь! Левое орудие разрывными снарядами — пли!

©
Издательство
«Арт»

Градом посыпались на собак разрывные снаряды — осколки горшков и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону Шакалок, за ним — двоюродная сестра. Через четыре секунды двор опустел.

Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

Дошкольник Серпокрылов

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновенные прогуливаться по деревне. Проводив на работу своего папу, уважаемого слесаря Серпокрылова, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из водопроводного железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.

— Смотри. Лёшка,—крикнул дядя Илюша,—сколько снегу навалило! Надо тебе надевать маскировочный халат!

Сержант Серпокрылов стрельнул ещё разок, но, как видно, не попал. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколотые к калиткам.

Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон, обутой в красные сапоги.

— Солдаты! За мной! — шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов.— Возьмём их в клещи!

Будто лавина, обрушились разведчики на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжёлый бронированный механизм.

— Погибать — так с музыкой! — крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотракторную гранату. Раздался чудовищный взрыв — механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

После боя установилась над землёй тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина.

Со двора плотника Меринова вдруг послышались визг и лай.

— Вперёд! По-пластунски! — скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору, за которым разгорелся невиданный бой.

Заглянувши в дырку между штакетин, майор Серпокрылов сразу оценил обстановку.

— В штыки! — слышалась команда. — Ребята, рубай их! Не подведите своего подполковника!

Град огня и снарядов обрушился на врага.

— Спасибо вам, товарищ Серпокрылов, — сказала Пальма. — Ваши активные боевые действия привели к полной победе.

— Я — солдат! — скромно ответил полковник Серпокрылов.

Дошкольник хотел продолжать путь своих боевых подвигов.

Вдруг заметил пушистого, с огромным хвостом солдатика, привязанного за верёвку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова!» — изумлённо подумал он, раскрыл глаза пошире, и в голову его хлынули сугубо штатские мысли: кто это такой, чего он сидит у конуры и при чём здесь огромная перчатка, валяющаяся на снегу?

Дошкольник перелез через забор, поднял перчатку и примерил.

Рука влезла аж до плеча, и дошкольник засмеялся от удовольствия.

— А ты кто такой? — спросил он Наполеона, присел на корточки и перчаточным пальцем провёл ему по носу.

Наполеон зажмурился.

Новые стремительные мысли пронеслись в голове дошкольника, и главная — насчёт Верки Мериновой: мол, надо

бы её немного подразнить, а то чего-то загордилась, давно недразнённая ходит.

— Ты мой трофей,— сказал он Наполеону и отвязал верёвку.

Потягивая за собой недопёска, дошкольник вышел через калитку на улицу.

Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

За нос!

«Это, наверно, росомаха,— думал дошкольник, выходя из калитки на дорогу, перепаханную вдрызг тракторами.— А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Нет, он похож на лису. Но не очень. Какой-то недолисок!»

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторённой уже плотником Мериновым: «Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопёс... Лисица-псица!.. Лисец...»

— Песец! — закричал вдруг дошкольник, подпрыгнул на месте и выпалил из водопроводной винтовки.— Песец! Песец! Чтоб мне треснуть! Это песец!

Восхищённый своей догадливостью, он палил безостановочно в воздух. «Бах-тарарах-бабах!» Наполеон поник, пришибленный неслыханным салютом. Никогда в жизни не приходилось слышать ему ничего подобного.

Дошкольник быстро израсходовал все боеприпасы и дёрнул за верёвку. Ему хотелось немедленно куда-то бежать. Песец неожиданно заупрямился, упёрся лапами в землю и затряс головой.

— Пойдём, пойдём,— торопил дошкольник.

Наполеон завертел головой, упал на бок, перевернулся на спину, стараясь задними и передними лапами сорвать с шеи верёвку.

Дошкольник Серпокрылов, надо сказать, был человек сообразительный. Он подождал, пока Наполеон успокоится, а потом заманчиво помахал мотоциклетной перчаткой.

— Пойдём со мной,— сказал он.— Перчатку получишь. Хорошая перчаточка!

Однако перчатка не помогла. Песец вовсе её не заметил.

— Ну ладно,— сказал дошкольник.— Ты не идёшь за мной, тогда я пойду за тобой. Беги куда хочешь!

Разных людей повидал за свою жизнь Наполеон Третий, но никогда не встречал он таких маленьких, чуть выше слового пня. Это Наполеону неожиданно понравилось и ещё понравилось, что дошкольник перестал дёргать верёвку и палить. Недопёсок обнюхал снег и валенки дошкольника Серпокрылова. От валенок пахло мышами.

Наполеон оглянулся на мериновский двор. Пальма стояла у калитки, печально помахивая тропическими ушами. Наполеон кивнул ей и установил нос точно на север.

— Валяй! — шепнул дошкольник, и на север, точно на север побежал недопёсок через деревню Ковылкино, а за ним — дошкольник Серпокрылов.

Ему хотелось свистнуть, как свистят кавалеристы, скачущие в степи, или взречь мотоциклом «Ява», на котором ездит агроном, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним.

«Куда же он бежит? — думал Серпокрылов.— Наверно, на север. Северный зверь должен бежать на север. На полюс!»

Серпокрылов смеялся, ему казалось, что он всё знает, всё понимает, и действительно он всё больше понимал, что́ это за зверь бежит перед ним, куда бежит и зачем.

«Назову его Филькой»,— думал он.

Наполеон спешил. Ему казалось, ещё немного, и он убежит от верёвки. А дошкольник старался так поспевать, чтоб верёвка не резала песцу шею.

«Мы бежим на полюс!— думал дошкольник Серпокрылов.— А куда же иначе нам бежать. Вперёд! Я там давно хотел побывать!»

Позвякивая боевыми наградами, бежал дошкольник Алексей Серпокрылов через деревню Ковылкино вслед за недопёском Наполеоном Третьим.

С каждым шагом увеличивалось на его груди количество орденов и всё ближе был Северный полюс.

Колдун, которого видит старик Карасёв

Настало наконец-таки время поговорить о старике Карасёве, о ковылкинском человеке с небритою бородой и носом кисельного цвета.

Старики такие есть во всех деревнях. Они сторожат колхозные сады, подшивают валенки. Этими делами занимался и старик Карасёв— и сад стерёг, и валенки подшивал. Короче, это был обычный старик, и только одна черта отличала его ото всех других стариков.

Старик Карасёв был колдун.

Впрочем, разобраться в этом деле— умеет Карасёв колдовать или нет— никто толком не мог.

Печник Волопасов спросил как-то:

— Ну что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?

— Колдуем помаленьку,—ответил на это старик Карасёв.

— Да ладно врать-то,—сказал печник.

Карасёв равнодушно улыбнулся и вдруг глянул на печника через левое плечо. Волопасов вздрогнул и отошёл в сторону сельсовета. А на другой день на шее у него выросла болячка.

С каждым днём болячка разрасталась, и жена Волопасова уговаривала его пойти к старику повиниться.

— Против колдовства имеется наука!—возражал Волопасов.

Он купил йоду и стал смазывать им болячку. Научное лекарство вступило в борьбу с колдовской болячкой и в конце концов, конечно, победило.

Но не болячками удивлял старик Карасёв белый свет. Главная сила его заключалась в другом: старик Карасёв видел колёса!

Что это за колёса, Карасёв и сам толком объяснить не мог. Но, по словам его, получалось, что возле каждого человека имеется в воздухе какое-то цветное колесо. Вроде радуги. Да только колесо это не всякому дано увидеть.

Например: плотник Меринов никаких колёс не видит, и слесарь Серпокрылов не видит, да и вообще никто не видит. А вот старик Карасёв видит.

В тот день, когда появился в Ковылкине Наполеон, старик Карасёв сидел на лавочке у калитки, а соседка Нефёдова шла из магазина и присела передохнуть.

— Куда ты столько хлеба набрала?—сказал Карасёв.— Десять кирпичей!

— Как это куда! — закричала в ответ Нефёдова и принялась считать, сколько у неё в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди. Своими крикливыми подсчётами она оглушила старика на оба уха, потом перевела дух и решила поболтать о колёсах. — Неуж всё-таки вправду бывают колёса вокруг людей?

— А как же, — ответил Карасёв. — Обязательно бывают.

— И ты видишь это?

— А как же мне не видеть-то их, если они видны, — возразил старик.

— Ну, а вокруг меня есть такое колесо?

— Виднеется, — подтвердил Карасёв. — Да только не слишком уж большое.

— Что уж, совсем, что ли, маленькое? — спросила Нефёдова чуть огорчённо.

— Ну как тебе сказать, — ответил Карасёв, закуривая сигарку, — сантиметра на четыре.

— И какого ж оно цвета?

Тут старик Карасёв поглядел на соседку внимательно, выпустил в воздух дыму и сказал:

— Коричневое.

Такой цвет Нефёдову почему-то обидел.

— Старый ты пёс, — сказала она. — Напустил дыму, вот и натемнил в колесе.

— Табачный дым колёсам не помеха, — ответил старик Карасёв, равнодушно ещё раз взглянувши на соседкино колесо.

— Тьфу! — плюнула Нефёдова. — У тебя небось и вовсе никакого колеса нету.

— Мне своё колесо видеть не дано.

Старик покуривал сигарку, а Нефёдова искоса взглядывала на него, прищуривалась, словно хотела разглядеть, не видно ли какого колеса. Но, кроме шапки солдатской, носа да сигарки, она не видела ничего. И на улице не видно было никаких колёс, только у дороги валялась, как обычно, автомобильная покрышка.

На дорогу выскочила из-за угла собачка на верёвке, а за нею бежал дошкольник Серпокрылов.

— Смотри-ка, дед, вон мальчишка слесарев бежит. Неуж и вокруг него есть чего-то?

— А... это Лёшка Серпокрылов. Вокруг него радуга васильковая с розовым разводом.

— И вокруг собаки есть?

— Ну нет,— сказал Карасёв.— Вокруг собак не бывает... Они их видят, а сами не имеют. Постой, постой... Что за оказия? Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!

Старик Карасёв разволновался, достал из кармана очки.

— Эй, Лёшка, подь-ка сюда!

— Некогда, дедушка Карасёв!— крикнул в ответ Серпокрылов.— На полюс бегу!— и скрылся за углом.

— Странное дело,— взволнованно рассуждал старик Карасёв.— Вокруг собак никогда не бывает, а тут что-то синеватое.

Пока старик рассуждал, на улице появился новый человек.

В шапке «пирожок», в овчинном полушубке, он быстро шагал, почти бежал, по улице. В руках он держал толстую палку, окованную полосовой сталью, а на спине его подпирывал зелёный, через плечо на ремне, сундучок.

— Это что за человек? — спросила Нефёдова. — Какое вокруг него будет колесо?

— Тьфу! — плюнул старик Карасёв. — Салатовое!

На севере диком...

Последним уроком во втором классе был урок рисования. Кончилась переменка. Техничка Амбарова пробежала по коридорам.

— Звонок не работает! — кричала она. — Движок барахлит. Току нету! Расходись по классам!

— Без звонка не пойдём! — кричали Белов и Быкодоров из четвёртого класса.

— Дзззззз... — зазвенела Вера Меринова.

— Дзынь-трынь! Трам-блям-блям! — подхватил весь второй класс, и скоро в школе раздался такой звон, какого никогда в жизни не устроить электрическому току.

— Кончай звонить! — закричал учитель рисования Павел Сергеевич. — Готовь карандаши да альбомы!

Во втором классе очень любили рисование, и рисовали здесь отлично.

«Таланты! — говорил о них Павел Сергеевич. — Петровы-Водкины!»

Уроки свои Павел Сергеевич начинал обычно с какого-нибудь фокуса. Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или приносил в рюкзаке лошадиный череп. Сегодня он пришёл с пустыми руками, и напрасно таланты глядели с надеждой на учительские карманы. Карманы не оттопырились, гипсовый нос оттуда не высывался.

Павел Сергеевич прошёлся по классу, остановился у окна.
— Сколько снега навалило! — сказал он. — Скоро настоящая зима!

Ребята поглядели в окно на старые берёзы, присыпанные снегом. Чёрные грачиные гнёзда на берёзах накрылись белыми колпаками.

— Видите за фермой сосну? — спросил Павел Сергеевич.

— Видим, видим! — закричал хорошист Миша Чашин.

— Посмотрите на неё хорошенько, — попросил Павел Сергеевич.

Ребята с любопытством принялись рассматривать сосну, как будто ожидали, что Павел Сергеевич сейчас устроит с нею какой-нибудь фокус.

Но Павел Сергеевич ничего не устраивал, а сосна стояла не шевелясь, подпирала мудрой головой серое ковылкинское небо.

Эта сосна была знаменита. Ни в деревнях, ни в окрестных лесах не было дерева выше ковылкинской сосны, а медовый её ствол был толще самой огромной бочки. Старики говорили, что сосна заколдована. В неё ни разу не попала молния. Другие, мелкие, деревья июльские грозы крошили каждый год, а сосну обходили стороной.

— Это очень старая сосна, — сказал Павел Сергеевич. — И вот каждое утро, по дороге в школу, я думаю, что это про неё написал Лермонтов стихотворение... Послушайте:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим,
Как ризой, одета она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,

Одна и грустна, на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Ребята помолчали, обдумывая стихотворение, а потом сразу стали спорить, про какую это сосну написано.

— Да не про нашу это!

— Про нашу! Про нашу!

— Погодите,—сказал Павел Сергеевич.— Давайте по порядку. Миша Чашин!

Второклассники замолчали. Хорошист Миша Чашин пользовался в классе авторитетом. Его уважали.

— Это не про нашу,—сказал Миша Чашин.— Нету горной вершины. Почему ничего не сказано про ферму, а ведь она под сосной?

Миша Чашин сел на место, и слово взял Коля Калинин.

— Горной вершины нет, зато есть бугорок,—сказал он.— Но дело не в этом. Стихотворение про сосну, которая стоит одиноко. Значит, и про нашу. Значит, это наша сосна спит и видит пальму.

— Пальму Меринову,—сказал Миша Чашин и засмеялся.

— Кокосовую!—закричал Коля Калинин.— Не тебя же во сне видеть!

— Спокойно!—сказал Павел Сергеевич.— Калинин, сядь! Говори, Вера.

— Это написано не про сосну,—сказала неожиданно Вера,— а про одинокого человека. Он стоит, и ему печально.

— Ну сказанула!

— Тогда б так и было написано: на голой вершине стоит человек!

— Ну ладно,—сказал Павел Сергеевич.— Хватит кри-

чать. Я согласен с Верой. Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, конечно, о своей судьбе, о других людях. Мы читаем и тоже задумываемся о себе и о других. Вот так. Ну, начали рисовать.

— Чего рисовать?

— Как чего? Сосну, пальму, всё, о чём написал Лермонтов.

— Вот это задание!

— Давайте лучше гипсовый нос!

Ребята задумались, стали вспоминать, как выглядит пальма. Только лишь Коля Калинин немедленно кинулся в бой.

— Во—сосна!—шептал он.—А во—пальма! Во—песок! Во—скала!

— Не спеши,—сказал ему Павел Сергеевич.—Продумай композицию.

Коля остановился на минутку и тут же снова зашептал:

— Во—снег идёт! Прямо на ветки! Прямо на ветки! Во—гора! Во—ферма под горой, коровы, куры! Во—школа!

— Вера Меринова пойдёт к доске рисовать цветными мелками.

— Повезло, повезло Верке,—бормотал Коля.—Во—лошадка везёт сено. На возу мой папаня.

Тихо стало в классе. Слышался только приятный шорох карандашей да стук мела по грифельной доске.

Синяя северная гора, изрезанная скалами, изрытая пещерами, охватила полдоски, красным мелом наметила Вера сосновый ствол. Горел огненный ствол, оранжевые ветки уползали вверх и добирались чуть ли не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. На верхушке, там, где у сосны голова, нарисовала Вера кружок,

а в нём — песок, песок, горячий утёс, одинокую пальму. И так уж получилось, что листья её были похожи на уши Пальмы Мериновой.

— Хорошо, — похвалил Павел Сергеевич. — А это кто такой под сосною?

— Песец, — ответила Вера. — Северный зверь.

— Очень хорошо! — подтвердил Павел Сергеевич.

Вера почти закончила рисунок и решила ещё разок глянуть на ковылкинскую сосну. Она подошла к окну, и тут же всё смешалось у неё в глазах.

За школьным забором бежал по улице Лёшка Серпокрылов, а перед ним на верёвке — Тишка, песец, северный зверь. Заприметив в окошке Веру, дошкольник остановился, поднял водопроводную винтовку, прицелился и, конечно, попал в самое сердце. Песец дёрнул верёвку — дошкольник состроил нехорошую рожу и скрылся из глаз.

Из-за поворота тем временем появился новый человек — в овчинном полушубке, с зелёным сундучком на плече.

Вера не видела его. Она так разволновалась, что еле дотянула рисунок до конца.

Павел Сергеевич поставил ей пятёрку, посадил на место.

Тысячи мыслей проносились в голове Веры Мериновой, и из всех мыслей она выбрала одну, самую верную.

Вера написала записку и перекинула её Коле Калининину:

«Готовься! Будет дело!»

К чему надо готовиться, Коля не понял, и какое будет дело, не знал, но все последние пять минут сидел как на иголках и готовился к делу.

«Будь спокойна, Вера, — думал он. — Я готовлюсь!»

Триждылетие на Северном полюсе

К этому моменту погоны на плечах дошкольника выросли уже до каких-то ненормальных размеров. Куда больше на них сверкало звёзд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудновато.

Вслед за песцом дошкольник пробежал через всю деревню.

Верёвку он старался не натягивать, и Наполеону почудилось даже, что он вновь свободен, а маленький человек просто бежит за ним на правах Сто шестнадцатого.

На бугре под ковылкинской сосной Наполеон остановился, оглянулся на дошкольника. Нет, не был похож дошкольник на Сто шестнадцатого, но хоть вперёд не забегал и верёвку не дёргал.

Запыхавшись немного, Лёша сопел и ласково глядел на недопёска.

С бугра от края до края видна была деревня Ковылкино. Что ж, настало время прощаться с нею. Много здесь прожито — шесть с половиной лет, — много пережито. Всё теперь позади, а впереди долгий путь на полюс, бураны, метели, вьюги.

Впереди морозы в сто градусов и отряд полярников, во главе которых начальник Серпокрылов. В меховых унтах, с пистолетом в руке.

А Верка Меринова — фельдшерица.

«Товарищ начальник, — скажет она, — разрешите залезть на айсберг».

«Ладно, лезь, да смотри не задерживайся на макушке, а то скоро задует пурга. Сама знаешь, что такое Север».

«Я мигом. Только слазию — и обратно».

И вот Верка полезла на айсберг, и тут же задула пурга.

«Сидите в красной палатке! — приказал Серпокровлов полярникам. — А я пойду спасу её».

И он быстро-быстро стал карабкаться на айсберг.

Пурга дула с нестерпимой силой, и не было ничего видно на земле, но всё же начальник заметил Верку. Полумёртвая от холода, она лежала в снегу. А над нею стоял белый медведь. Тут начальник хлоп из пистолета — медведь шмякнулся...

Тогда Серпокровлов взвалил Верку на плечи и потащил её вниз.

«Оставь меня, Лёша, — слабым голосом просила Верка. — Дай мне умереть в снегу!»

«Ни за что, — отвечал Серпокровлов. — Я спасу тебя».

«Спасайся сам, ты ещё нужен людям, а я уже не нужна».

«Мы оба нужны», — отвечал начальник и брёл в пурге, шатаясь, брёл и брёл, брёл и брёл и нёс на плечах Верку Меринову.

— Эй, малый, погоди! — услышал вдруг он.

Дошкольник оглянулся.

— Погоди, погоди, — говорил человек в овчинном полушубке, взбегая на бугор.

— Тебе чего, дядь?

— Хочешь крючочек?

— Какой? — не понял Лёша.

— Рыболовный, номер пять. На окунька, подлещика. Хочешь?

— А то, — ответил дошкольник.

— Вот и хорошо. Всё путём. Насодишь кашки, а подлещик — хлям! — и болтается на крючке. Грамм на двести!

Человек в полушубке скинул с плеча сундучок и, бормоча: «Окуньки, подлещики», — щёлкнул замком.

Лёша заглянул в сундучок, и сердце его восхищённо стукнуло. Золотом, серебром сияли-переливались в сундучке рыболовные драгоценности: блёсны-плотвички, перья-поплавки.

«Подлещик» же тем временем вытащил из сундучка коробку из-под монпансье, поддел крышку ногтём. Сотня разных разных крючков — стальных и латунных, гнутых и кованых — оказалась в коробке.

— Выбирай.

— А можно два?

— Бери, уж больно ты малый хороший!

Дошкольник Серпокровлов не считал себя таким уж бесконечно хорошим малым, но всё-таки выбрал крючки, снял с головы офицерскую фуражку и зацепил крючки за подкладку.

— А на акулу есть? — спросил он.

— Чего на акулу?

— Крючок.

— Нету.

— Ну ладно, я побежал.

— Постой-постой! Я тебе крючки, а ты мне чего? Дай и ты мне чего-нибудь.

— Идёт, — согласился дошкольник и вынул из кармана медный предмет неясного назначения. Это был носик от чайника.

— Зачем он мне? — удивился человек в полушубке.

— А вот так, — сказал дошкольник и вдруг приляпал этот носик на свой собственный нос.

Полушубок вздрогнул. Самый настоящий чайник в офи-

церской фуражке глядел на него и вращал глазами, как будто собираясь закипать.

— Нет-нет, малый. Это не годится. Ты лучше дай мне собачку.

— Не могу.

— Да ведь я же совсем одинок, а собачка мне будет вечным спутником. Отдай.

— Никак не могу,— сказал дошкольник.

— Крючочки взял, а собачку жалеешь. Не ожидал от тебя такого.

Человек в полушубке оглянулся и вдруг подпрыгнул на месте и схватил верёвку, за которую привязан был Наполеон.

— Отдай собачку,— неприятно зашептал он.— Это моя собачка, а не твоя!

Он рванул верёвку, изо всех сил толкнул дошкольника в грудь.

Дошкольник Серпокрылов упал в снег, теряя ордена и медали.

Твой у Ковылкинской сосны

Техничка Амбарова всунулась в дверь, оглядела класс равнодушным взглядом и сказала:

— Свету нету, Павел Сергеевич... Дзынь... Конец уроков...

Как ни любили ребята рисование, конец уроков они любили ещё больше. Все вскочили из-за парт, зазвонили на столах.

— Беги за мной! — крикнула Вера Коле Калинину и выскочила из класса.

Коля в таких случаях долго не рассуждал. Когда ему говорили «беги за мной», его всегда охватывало волнение, он срывался с места и летел сам не зная куда.

Выбежав на улицу, он с ходу обошёл на повороте Веру Меринову и ударил по снежной дороге подшитыми валенками. Только через полсотни шагов Коля остановился.

— Куда мы, Вер?

— В погоню! Серпокрылов песца увёл!

— Песца! — закричал Коля. — Ура! В погоню! Какого песца?

— Настоящего.

От таких слов у Коли голова кругом пошла, он не стал разбираться, что это за песец и откуда, он только подпрыгнул на месте, будто горячий конь ударил в землю копытом, и помчался напрямик к одинокой ковылкинской сосне, под которой маячила фигура в офицерской фуражке.

Подбежав к сосне, Коля удивился, что у дошкольника не видно никакого песца. Но, с другой стороны, он не так уж хорошо знал, на что похож настоящий песец. Да, может, дошкольник его за пазухой прячет! Поэтому Коля не стал рассуждать, где у дошкольника песец — за пазухой или под шапкой.

— Ура! — закричал он. — Вот он, дошкольник Серпокрылов! Дави дошкольника!

С разгона налетел Коля на Серпокрылова, сбил в снег офицерскую фуражку. Но дошкольник был не из тех людей, которых можно было взять на ура. Он упёрся коленом в живот противника, сообразив, что наконец-то настал час, когда можно применить известный ему приём японской борьбы дзю-до.

— Стой! — закричала Вера, подбегая. — Песца замнёте! Ей почему-то казалось, что недопёсок принимает живое участие в схватке.

Слово «замнёте» притормозило Колю Калинина. Он теперь совершенно убедился, что песец у дошкольника за пазухой. Поэтому Коля ослабил мёртвую хватку. Но дошкольник Серпокрылов точно знал, что за пазухой у него ничего нет, кроме гордого, яростного сердца. Тут Коля и попал на приём. Одним махом дошкольник перекинул его через бедро, и Коля так грянулся о землю, что вздрогнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-таки пальму на юге далёком.

Лёша поднял с земли офицерскую фуражку и сказал:

— Семь раз отмерь и лучше не отрезай.

— Я те отмерю!.. — закричал обиженный Коля, горячо поднимаясь с земли. — Я те отрежу... Я те сейчас так отрежу, что и отмеривать нечего будет!..

— А ну постой! — сказала Вера, дёрнув Колю за рукав. — Где же песец?

Большая Вера Меринова посмотрела дошкольнику Серпокрылову прямо в глаза.

Взгляда Веры Мериновой дошкольник Серпокрылов вынести не мог. Он мог сражаться с лазутчиками, мог ловить на приём Колю Калинина, спокойно мог глядеть в глаза своего папаши-слесаря, но перед Верой он бледнел и терялся. Поэтому дошкольник не стал глядеть ей в глаза. Поглядел под ноги, повёл глазами по растоптанному снегу, добрался до подножия ковылкинской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, всё выше и как раз добрался до небес.

— Где песец, Серпокрылыч?

Это слово «Серпоккрылыч», такое ласковое и тревожное, разбередило сердце дошкольника.

— Ты зачем отвязал песца?

И действительно, зачем? Ну зачем отвязал он песца?

— Подразнить хотел.

— Кого?

— Тебя.

— Орион! Да что же это на свете делается! Уж и подразнить нельзя симпатичного тебе человека!

— Где песец, Серпоккрылыч?

— Дяденька отнял.

Сервисат

Впилась-впявилась верёвка в шею, натянулась струной, придушила. Померк белый свет в глазах Наполеона.

— Шевелись, шевелись, собачка! — торопил человек в полушубке, тянул изо всех сил за верёвку к лесу, к оврагу, тому самому, из которого выливается на небо Млечный Путь — молочная дорога.

Наполеон пробовал упираться, но верёвка так схватила за горло, что ноги подкосились. Он еле поднялся и, спотыкаясь, поспешил к оврагу, куда тянула верёвка.

То рысью, то галопом бежал человек, а то тормозил, как бы делая вид, что он просто с собачкой прогуливается. Страшная палка, окованная полосовой сталью, тяжело лежала на его плече, а на спине подскакивал зелёный сундучок, бренькали в нём блёсны, крючки и коробочки.

Ковылкинский овраг глубоко разрезал землю. Склоны его

сплошь заросли глухой бузиной, одичавшей малиной, завалены были истлевшим хворостом, который вяло трещал под ногами.

У бузиновых кустов верёвка ослабла. Наполеон ткнулся в бурелом, пытаясь спрятаться.

— Сейчас-сейчас, — сказал полушубок. — Сейчас всё будет в порядке. Я тебе колбаски дам.

Он резко дёрнул верёвку — поволок недопёска вниз по склону.

На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Брёвна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.

— Уфуфу! — вздохнул наконец полушубок, захлестнул Наполеонову верёвку за скобу, вколоченную в брёвна. — Ну вот и всё путём. Сейчас будем колбаску есть. Хорошая колбаска, ну прямо сервилат!

Он открыл сундучок и вынул из него газетный свёрток.

— На-ка! — сказал он и бросил Наполеону колёсико колбасы с напухшим на нём маслом и крошками хлеба, а сам принялся жевать бутерброд. Белый его нос выглядывал из-под шапки и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.

Недопёсок тяжело дышал. Очень болела шея, нарезанная верёвкой. Он лёг в снег, закрыл глаза.

— Ешь колбаску. Будь культурным зверьком. Все, кто нас увидит, так и подумают: культурный человек кормит свою собачку. Никто не догадается, что и человек-то я не очень культурный, а собачка — не собачка вовсе, а Наполеон!

Тут засмеялся человек, и действительно некультурно как-то засмеялся. От смеха вылетели из-под носа хлебные крошки.

— То-то бабы в автобусе болтают: Наполеон, мол, сбежал. Редкий зверёк, мех золотой, государственного значения. А он, глядь, Наполеон,— вот он, в овражке сидит. Ху-ху! Сейчас мы поиграем в игру. Ты будешь Наполеон, а я Кутузов. И зовут меня как раз дядя Миша.— Он дожеввал бутерброд, поднял с земли палку, окованную полосовой сталью.

— А то жена говорит,— толковал он Наполеону.— «Ну чего ты зря на рыбалку ездешь, только деньги переводишь!» Вот я и привезу ей рыбку на воротник. Скажу: баба, ну что ты всё ругаешься? Вот тебе окунёк. Государственный окунёк. Наполеон Третий! Видишь эту палочку? — спросил дядя Миша.— Это, Наполеоша, рыбацкая пешня, которой лёд колют.

Тут он подпрыгнул и взмахнул рыбацкой пешнёй. Наполеон отскочил в сторону, спрятался за сруб колодца. Дядя Миша опустил пешню.

— Уфуфу! — вздохнул он.— Не могу, Наполеоша. Какой я всё-таки не очень хороший человек! Зверька хочу погубить из-за глупой бабы. Ну зачем ей воротник с такою рожей? Лучше уж воротник продать, а на деньги сервилат покупать...

Дядя Миша поднял пешню над головой.

— Что наша жизнь? — сказал он, подходя к Наполеону.— Сервилат!

„Всё путём“

Исподлобья, из-под круглых бровей глядел недопёсок на скачущего и бормочущего дядю Мишу. Трудно сказать, по-

нимал он или не понимал, что задумал дядя Миша, но только больше Наполеон не прятался, а просто стоял и снизу вверх глядел на человека. Почему-то Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то императорское. Он глядел на дядю Мишу снизу вверх, но в то же время и сверху вниз. Да он уж и не видал человека — бескрайнее снежное поле лежало перед ним.

— Не могу,— сказал дядя Миша.— Какой я всё-таки слабовольный человек! Ничего не достигну в жизни!

Он подошёл к колодцу и заглянул в затхлую глубину.

— Всё путём! — крикнул он, успокаивая сам себя. Крик его ухнул вниз, провалился, завяз где-то, и эхо не вылетело обратно.— Всё путём, всё путём... В руках у меня ценный зверёк. И никто ничего не узнает. Уфуфу...

Дядя Миша потел, в душе его происходила тяжёлая борьба, и неизвестно, в какую сторону склонилась бы чаша весов, если б стеклянно и неожиданно не прозвенел вдруг голос:

— Сюда!

— Куда? Куда? — заволновался дядя Миша.— Куда это сюда? Ну, не сюда же!

— Заходите с флангов! — закричал в бузине и другой голос.— Возьмём их в клещи!

Послышался треск валежника. На склон оврага, будто танкетка, выкатился человек в офицерской фуражке:

— Огонь!

Он выхватил из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился, и — свись! — свистнуло над головой дяди Миши. Что ж это, неужели пуля?

— Озоровать?! — нехорошим голосом закричал дядя Миша.— Я те уши пооборву! Спрячь рогатульку!

Но в это время на другом склоне завыл миномёт, и коровья бомба повисла над дядей Мишей.

— Крой беглым!

И тут действительно беглым стали крыть дядю Мишу. Небо над его головой наполнилось комьями, палками, и особенно неприятен был изжёванный кем-то ботинок, который, квакая, ударил прямо в грудь.

— Прекратить огонь! — послышался голос.

Прямо к колодцу из кустов выбежала девочка и отвязала Наполеона.

— Нехорошо, гражданин, — сказала она. — Стыдно!

— Ты что это? Нет, постой. Кто тебе разрешил? Это мой зверёк!

— Артиллерия, огонь!

— Отставить!

Цепляясь за ветки бузины, в овраг спустился Павел Сергеевич. Глаза его по-учительски блистали, а на плече висело дуствольное ружьё — Зауэр «Три кольца».

— Не трогай мою собачку! — закричал дядя Миша. — Это моя собачка, я её дрессировать буду — на лапках ходить, в барабан стучать.

— Отпустите верёвку! — строго сказал Павел Сергеевич и сдёрнул с плеча ружьё.

— Это что же такое! — засуетился дядя Миша. — Вооружённым конфликтом пахнет.

— Пойдёмте в сельсовет, гражданин.

— Что вы! Что вы, молодой человек. Всё путём! Берите вашу проклятую собачку!

Дядя Миша подхватил сундучок и побежал, побежал по оврагу в сторону.

— Стреляйте, Пал Сергеич! Стреляйте, а то уйдёт!

Павел Сергеевич не стал долго рассуждать, он поднял ружьё вверх стволами и пальнул вдогонку. Грозно, назидательно прозвучал учительский выстрел. В душе дяди Миши что-то оборвалось раз и навсегда.

Бег на Северный полюс

Странно подействовал выстрел на старый колодец. Дремавший последние двадцать лет колодец вдруг ожил, ворчливо буркнул: «Всё путём»,— и после этого заглох навсегда.

Дошкольник Серпокрылов и Коля скатились тем временем к месту происшествия.

— Во чудо-то!— восхищался Коля, хлопая себя восторженно по бокам.— Вот это песец! Во бы кого нарисовать!

— Красив!— соглашался учитель.— Удивительный мех! Давайте отведём его в школу.

— Тиша, вставай!— сказала Вера и дёрнула верёвку.

И тут спасённый Наполеон должен был, конечно, встать, улыбнуться, но вместо этого он злобно оскалился, будто сроду не был знаком с Верой Мериновой.

— Тиш, Тиш, ты чего?

— «Тиша»!— презрительно фыркнул дошкольник.— Его звать Филька.

— Не Филька, а Тиша,— заспорила Вера.— Тоже мне придумал.

Серпокрылов уважал Веру Меринову и мог без конца снимать её с айсберга и носить на руках. Но когда его задевали за живое, он становился упрям как бык. Поэтому пару минут у колодца только и слышно было: «Тиша... Филька...

Дурак... Сейчас по шее... А ну попробуй... Сейчас попробую... Ну, пробуй, пробуй, что ж стоишь...»

И Лёша хотел попробовать, но в дело вмешался учитель.

— Ладно вам,— сказал он.— Неважно, как его зовут. Важно другое: что с ним делать?

— В деревню отведём,— ответила Вера.

— А дальше что?

— Будет жить у меня. Я его воспитаю.

— Ишь придумала,— сказал дошкольник, как будто и не уважал никогда Веру Меринову. Он терпеть всё-таки не мог, когда его задевали за живое.— Ну ладно, бери Фильку себе. А мы посмотрим, как ты это сделаешь.

— И возьму.

Вера решительно дёрнула верёвку. Опять померк в глазах недопёска белый свет. Он упёрся в землю короткими своими лапами, изловчился и злобно схватил верёвку зубами.

— Ну ловко! Ай да Верка! Прямо животновод.

— Тиша, Тиша,— нежно говорила Вера,— успокойся.

Она достала из кармана конфету, осторожно протянула руку, чтобы погладить песца. Наполеон огрызнулся — конфета упала в снег.

— Фу, какой злой! Тиша, что с тобой?

— А ты думала, из-за конфетки он тебе валенки будет лизать? Дай сюда верёвку и отойди в сторону. Он пугается. Вылезай совсем из оврага. За дело берётся Серпокровов!

— Отойдём, ребята! — рассудительно сказал Павел Сергеевич.— Посмотрим, как у Лёши получится.

Павел Сергеевич и ребята вылезли на гребень оврага и стали глядеть сверху, что будет делать дошкольник.

Он ничего не делал, только вытянул из кармана мото-

циклетную перчатку и бросил её прямо под нос Наполеону. Потом не удержался, поднял конфету «Озеро Рица» и сунул в рот.

И больше не шевелился, руками не махал, за верёвку не дёргал. Правда, порой раздавались в овраге какие-то диковатые звуки, похожие на чмоканье лошади,— это дошкольник Серпокрылов сосал «Озеро Рица». Наполеону эти звуки чем-то понравились, даже успокоили.

Легонечко носом толкнул он мотоциклетную перчатку, взял её в зубы. Перчатка слабо запищала.

Наполеон тряхнул головой, обнюхал знакомые валенки, установил нос свой на север и решительно стал выбираться из оврага. Дошкольник поспешил за ним, стараясь не натягивать верёвку. Неизвестно, что успокоило Наполеона: перчатка или валенки. Наверно, он просто понял, что дошкольник порядочный человек—верёвку не дёргает, пешней не машет. Он только бежит следом, вроде Сто шестнадцатого.

— Ну даёт дошкольник! — изумлялся Коля Калинин.

Наполеон вылез из оврага шагах в тридцати от ребят и побежал прямо в открытое поле.

— Куда это вы?

— На Северный полюс!

— Поворачивай, поворачивай в деревню! — закричала Вера и побежала за ними вдогонку, а за нею тронулись Коля и Павел Сергеевич.

— Поворачивай! Поворачивай!

Но Наполеон не собирался поворачивать в деревню. Он пробежал озимое поле, пересек клеверище, опустился в овраг, теперь уже в другой овраг, не ковылкинский, а кадошкинский, по гнилым мосткам перебежал речку Мшажку и снова выскочил на поле. На север, точно на север бежал Наполеон

и странную вёл за собой компанию — дошкольника, двух второклассников и учителя с ружьём.

— Что ж, так и будем бегать? — кричал Павел Сергеевич.

— Ага, — оборачивался дошкольник. — Мы мчимся на Северный полюс! Мы — песцы!

Вера и Коля засмеялись от счастья и тут же стали легонько тявкать на бегу, как, очевидно, делают это песцы.

Павлу Сергеевичу скоро надоела бестолковая беготня.

— Теперь мы не песцы! — закричал он. — Теперь мы охотники! Вера, Коля, заходите справа, прижимайте его к деревне!

Наполеона подогнали к деревне. Павел Сергеевич сбросил куртку и накинул её на недопёска.

— Отнесём его в школу, — сказал он.

Синишора

Уроки в школе давно кончились. Ребята разошлись по домам.

Техничка Амбарова мыла в классах полы, а Белов и Быкодоров из четвёртого класса, наказанные директором, тащали ей вёдра с водой и вообще мешали как могли.

Перемывши полы в классах и в учительской, техничка вышла на крыльцо и тут столкнулась с Павлом Сергеевичем, который нёс на вытянутых руках что-то бьющееся, пушистое, закутанное куртками и шарфами.

Из-под курток и шарфов блистали гордые и угрюмые глаза Наполеона.

— Батюшка, Пал Сергеич! — закричала Амбарова. — Какую-то сикимору принесли!

Так Наполеон Третий получил четвёртое в своей жизни, совершенно уж несуразное имя — Сикимора! Что это за слово, откуда оно взялось, этого не могла бы сказать и сама Амбарова. Оно внезапно созрело в груди да и выскочило на язык.

Как водится, самое глупое имя понравилось больше всего.

— Сикимора! Сикимора! — восторженно закричали Белов и Быкодоров. — Тащите её на пришкольный участок. Посадим её в клетку!

— Какая он вам Сикимора, — недовольно сказал дошкольник Серпокрылов. — Это — песец, он с Северного полюса.

— Молчал бы, соплячишко! — орал Белов и Быкодоров. — Ты вначале «А» да «Б» писать научись.

— Ты ошибаешься, — сказал дошкольнику и Павел Сергеевич. — Он, конечно, не с полюса. Видимо, он сбежал со зверофермы «Мшага» — от нас семь километров.

— Вовсе я не ошибаюсь. Вот и Вера подтвердит. Она его первая открыла.

И дошкольник Серпокрылов поглядел Вере прямо в глаза.

Конечно, Вере раньше и в голову не приходило, что Тишка мог прибежать с полюса. Сейчас ей такая идея понравилась, но, как ты ни крути, правда жизни брала своё.

— Нет, — вздохнула Вера, отводя глаза. — Тиша не с полюса. Он со звериной фермы.

Камень сорвался с горы и рухнул в пропасть. Точно так, как этот камень, рухнула Вера Меринова в глазах дошкольника Серпокрылова.

Дошкольник не стал больше ни с кем объясняться. Отошёл в сторону.

Да и что было делать здесь, в школе, ему, дошкольнику. Школа для него была за горами. Здесь заправляли матёрые школьники Белов да Быкодоров.

Под их крики Наполеона отнесли на пришкольный участок, сунули в пустую кроличью клетку. Ничего более позорного не происходило до сих пор в жизни Наполеона Третьего!

Его, пёсца с императорским именем, гордость директора Некрасова, платинового недопёска, рвущегося на Северный полюс, назвали Сикиморой и сунули в кроличью клетку. Это было падение! О Наполеон!..

— Пускай посидит здесь до завтра,— решил Павел Сергеевич.— С утра позвоним на ферму.

Павел Сергеевич ушёл в учительскую, а Белов и Быкодоров устроили вокруг Наполеона настоящую карусель: хохотали и свистели в кулак, лупцевали друг друга портфелями, подкидывали в воздух чужие учебники— в общем, веселились, как умели.

Наполеон забился в угол и закрыл глаза.

— Оставьте его в покое!— уговаривал дошкольник.— Он устал.

Но разве мог он остановить эту карусель? Карусель крутится и должна докрутиться до конца.

Дошкольник в ярости сжимал кулаки, чувствовал, что надо принять какое-то решение. Но оно никак не созревало в его голове.

Впрочем, дошкольник Серпокрылов был человек с философским складом ума.

— Ладно,— решил он.— Пойду обедать.

В каждом пригородном доме имеются слесари

После обеда дошкольник Серпокрылов дома обыкновенно не задерживался и, как правило, прогуливался по деревне. В этот день он решил привычке своей не изменять, а лепёшку с творогом, собственноручно испечённую слесарем Серпокрыловым, он есть не стал и попытался засунуть её в карман. Лепёшка, похожая на коричневый таз средних размеров, в карман не влезала.

— Ты куда это лепёшку потащил? — спросил уважаемый слесарь, который приходился дошкольнику папашей.

Кстати сказать, слесарь Серпокрылов действительно человек был в деревне многоуважаемый. Его уважали за хорошую работу. Все трактористы в праздничные дни носили слесаря на руках. Уважал его и плотник Меринов, которому слесарь точил стамески, и председатель сельсовета дядя Федя, уважал его старик Карасёв, который говорил, что вокруг слесаря имеется колесо цвета увядшей незабудки.

Жил слесарь вдвоём со своим дошкольником, потому что мамаша уехала в город Гомель. Хоть и жили они без матери, обед в доме Серпокрыловых всегда проходил серьёзно. Перед обедом отец долго умывался, стонал под рукомойником, а Лёша нарезал хлеб и расстановивал приборы. Слесарь переснимал рубаху, садился к столу, и в тот же миг Лёша ухватом выхватывал из печки чугунок с кашей, ставил его посредине стола. Обедали они молча. Лёша только успевал подбрасывать отцу добавку.

— Так куда же ты лепёшку потащил? — спросил слесарь, отодвинув прибор.

— Куда надо, туда и потащил, — ответил дошкольник, ни секунды не теряясь под слесаревым взглядом.

— Лёшка,— сказал отец и постучал кулаком по столу,— ты знаешь, что я обычно делаю с такими сыновьями?

— Знаю,— спокойно ответил дошкольник.— Ты их убиваешь.

— То-то же!— сурово сказал отец.— Пол-лепёшки мои. Дошкольник не стал спорить. Он вытащил лепёшку с тврогом из-за пазухи и разломил её пополам.

— Бать, у нас мышей нету?— неожиданно спросил дошкольник.

— Как же нету?— удивился слесарь.— Куда ж они денутся? В каждом приличном доме имеются мыши. Если не станет мышей— плохо дело. А много ль тебе надо?

— Десятка два. Фильку покормить.

— Возьми мышеловку на потолке да поставь за печкой,— только и ответил слесарь, ничуть не удивляясь, что какой-то Филька ест мышей. Слесарь понимал, что его сын зря ловить мышей не станет, а если ловит, значит, Филька мышей заслужил.

Дошкольник достал с потолка три мышеловки, наживил салом и поставил за печкой.

— Ты всех-то не отлавливай,— попросил слесарь.— Оставь пару на развод.

— Два десятка отловлю, а остальных не трону.

Дошкольник надел офицерскую фуражку и вышел из дома.

После обеда он имел обыкновение прогуливаться по деревне и этой привычке сроду не изменял.

Слесарь Серпокровлов долго ещё, задумавшись, сидел за столом, потом встал, помыл посуду и полил увядший на окне закавказский лимон.

Масло, поджигое в огонь

Вера сбегала домой и принесла Наполеону два бараньих мосла. Мослы были здоровенные. Они имели таинственное сходство с турецкими барабанными палками.

Хороши были мослы, мозговиты, но даже не глянул на них Наполеон.

Устал недопёсок Наполеон Третий. Слишком уж много пережил он за сегодняшний день. Болела шея, нарезанная верёвкой, поблёк, потускнел драгоценный мех, набилась в боярскую шубу мотоциклетная грязь, припорошила сенная труха и песок из барсучьей пещеры. Не имел уже Наполеон царственного вида, увял, как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.

— Ешь, Тишенька, ешь,— уговаривала Вера, подсовывая недопёску турецкие кости.

Прибежал Коля Калинин, притащил из дому какой-то сушёной ерунды, вроде окуней, стал подкидывать в клетку.

— Оставьте его в покое!— послышалось из-за школьного забора.— Не видите, что ли,— он устал.

— Да ладно!— закричал Коля, нехорошо подражая Белову и Быкодорову.— Тебя не спросили. Иди в свои ясли!

Вера искоса только глянула на офицерскую фуражку и промолчала. Она понимала, что камень давно уж сорвался с горы, рухнул в пропасть.

— Он у вас подохнет.

— Что ты всё ругаешься, Серпокрылыч,— мягко сказала Вера.— Помоги нам, покорми Тишу.

— Он устал. Сейчас есть не станет, а завтра я наловлю мышей.

— Разве песцы едят мышей?

— Что он, кошка, что ли? — неумно засмеялся Коля Калинин.

— Вот и видно — ни черта не смыслите. И лисы, и песцы едят мышей. Они мышкуют.

Погрубел дошкольник Серпокрылов. Без уважения глядел на Веру Меринову. И слово удивительное «Серпокрылыч» пролетело мимо его ушей, как ласточка мимо берёзы.

— Мышей-то я ему наловлю, — продолжал дошкольник. — А завтра — тю-тю! — увезут твоего Фильку на звериную ферму. Разве ж это честно? К вам на двор он сам прибежал. Значит, он ваш.

— Он государственный, — ответила Вера.

— Ничего подобного. Он к вам сам прибежал. Значит, он теперь ваш, мериновский.

Разбередил дошкольник душу, и ведь действительно получалось что-то не то: они спасали песца, отнимали его у дяди Миши, а теперь отдавать? Задумалась Вера, а дошкольник усмехнулся и посыпал раны солью:

— Да что мы, сами, что ль, его не воспитаем? Наловим мышей, выкормим, вырастим. А живёт он пускай у Пальмы Мериновой или у меня.

— И у меня можно, — вставил Коля.

— Да пускай он живёт по очереди, — обрадовался дошкольник, — сегодня у Пальмы с Веркой, завтра у меня, а там — у Кольки.

— Ну нет, — сказала Вера. — У нас ему будет спокойней.

— Да пускай живёт у кого угодно. Главное — на ферму его не отдавать!

Разгорался понемногу огонь в душе Веры Мериновой и в глазах Коли Калинина. Серьёзно поглядела Вера на дошкольника, прежде она никогда так на него не смотрела.

— Не отдадим,— твёрдо вдруг сказала она.— Ты молодец, Серпокрылыч!

На этот раз ласточка покрутилась над берёзой да и нырнула прямо туда, куда надо. Дошкольник поймал эту ласточку, улыбнулся и подлил ещё немного масла в огонь.

— А что на ферме,— сказал он,— там его в клетку посадят, а потом воротник сделают!

Третья ночь

Быстро и неожиданно потемнело небо над ковылкинской сосной. В полчаса обволокла темнота раскидистую большелобую крону. Пропала сосна, исчезла в ночной темноте. Гляди — не к пальме ли прекрасной удалилась она?

О ночь! Третья свободная ночь Наполеона Третьего!

Тёмной волной смыла ночь и сосну, и горбатые ковылкинские дома, беззубые заборы и кирпичный далёкий грибок, отмечающий над чёрными лесами звероферму «Мшага». Заволокла ночь глаза — кажется, ничего уже не осталось на земле, всё пропало, всё кануло в колодец, такой огромный, что не только деревня Ковылкино, а и вся земля в нём песчинка. В тот самый колодец, который вечно над головой — и на дне его играет серебряным поясом небесный охотник Орион.

Но нет, всё осталось на своих местах. Защищаясь от ночи, зажглись в домах слабые огоньки, задрожали: здесь деревня Ковылкино, прочно стоит на земле, и сосна здесь, у силосной ямы, и нету ей дела до южных, пускай даже прекрасных пальм.

— Ну ладно,—сказал плотник Меринов.—Надо бы в магазин сходить, купить, что ли, махорки-крупки!

Мамаша Меринова ничего в ответ не сказала, но так грозно нахмурилась, что плотник закричал, потрогал для чего-то нос свой и пробормотал рассудительно:

— С другой стороны, махорка вроде бы и оставалась где-то в кисте, крупка.

«Жив он или нет? — думала в этот миг Прасковьюшка, укладываясь спать.— Вдруг да его собаки загрызли?»

Прасковьюшка затуманилась, вспомнив о Наполеоне, стала жалеть его, потом стала жалеть себя. Только директора Некрасова жалеть ей никак не хотелось.

— Воротник! — волновалась Вера, засыпая.— Неужели сделают из него воротник? Сделают, сделают! Как же быть? Надо спасти Тишку. Тишенька! Тишенька!..

Вера хотела вскочить, бежать немедленно куда-то спасать песца, но сон уже охватил её, тёплый и пушистый, как хвост Наполеона.

Целый день ничком лежал Наполеон, а ночью поднялся, облизал бараньи мослы, сжевал окунька. Пусто было на школьном дворе. Чёрным льдом мерцали окна школы. Млечный Путь отражался в них.

Неизвестным чем-то и неприятным пахло в кроличьей клетке: перепревшей соломой, сгнившими мокрыми досками и зверем — может быть, страшным. Вдруг зверь этот затаился где-то рядом — вот распахнёт дверцу и вцепится в горло!

Наполеон сжался в клубок, ошетинился и кинулся на дверцу, натянутую сеткой, — железная сетка ржаво завизжала. Недопёсок метался по клетке, царапал стены, бился о железную сетку. В эту ночь он вдруг потерял голову, и никогда раньше на звериной ферме с ним не случалось такого.

Ночь, глухая ночь охватила деревню Ковылкино. Погасли электрические окна, заснула деревня, заснули собаки. Стало очень тихо. И в тишине вдруг громко хлопнуло что-то: раз, другой, третий. Это сработали мышеловки дошкольника Серпокрылова.

Раннее утро в деревне Ковылкино

Часов в шесть утра проснулась техничка Амбарова, стукнувши дверь, вышла на школьное крыльцо.

Она долго зевала на крыльце, жаловалась, что ноют колени, что все ученики просто-напросто головорезы, бранила солнце, которое никак не встаёт, и рассвет, который долго не наступает. Отзевавши все свои сны, она пошла набрать из поленицы дров и по дороге заглянула в кроличью клетку.

— Не спишь, Сикимора? Спи, спи, а то скоро придут Белов и Быкодоров. Они тебе весь тулуп общиплют.

Техничка наносила дров, затопила школьные печи, и, когда повалил из труб к небу сизый дым, стало ясно, что дым темнее неба — значит, уже светало.

Вместе с Амбаровою проснулись в деревне все хозяйки — и мамаша Меринова и соседка Нефёдова — словом, все те, кто должен топить с утра печку, ставить в неё чугуны с картошкой, с борщом, с кашей. Проснулся и слесарь Серпокрылов.

Запылали печи во всех домах, затрещали в печках дрова. От треска этого теплей становилось под одеялом, глаза слипались сильнее и так не хотелось вставать. Славно спалось

под этот утренний согревающий треск дошкольнику Серпокрылову!

Прошёл час, печки разгорелись сильнее и отогрели серое ковылкинское небо. Наметились в нём розовые разводы, похожие на цветы клевера. Пospела утренняя каша, заняли приятно самовары, и хозяйки стали будить своих хозяев, мамы — детей.

Только слесарь пожалел сына, уселся пить чай один.

— Бать,— сказал в полусне дошкольник,— мыши попали?

— Попали.

— Сколько?

— Много, много... Спи пока!

Слесарь попил чаю, ушёл в мастерские, а дошкольнику снились мыши. Вначале приснилась одна мышь, потом другая, третья... Странное дело, во сне в них не было ничего противного. Это были тёплые, домашние мыши, от которых пахло валенками.

Скоро мыши доверху заполнили сон дошкольника, и наконец, когда число их перевалило за миллион, он проснулся.

Раннее было ещё утро, но взрослые пошли уже на работу, а школьники дожёвывали дома последние ватрушки, кидали в портфели учебники.

«Проспал!» — в ужасе подумал дошкольник, вскочил с кровати и не стал даже умываться. Он вытащил из мышеловок пойманных мышей, схватил офицерскую фуражку и дунул к школе. Надо было покормить песка, пока не начались уроки, пока в школе было ещё пусто.

Дошкольник мчался по деревенским улицам, перепрыгивая примороженные лужи. Над головой его на розовом зимнем небе тяжело двигались синие осенние облака.

Скоро дошкольник был уже у кроличьей клетки и кормил Наполеона. И в тот момент, когда Наполеон прикончил третью мышь, проснулся директор школы товарищ Губернаторов.

Утренние взгляды директора Губернаторова

Проснувшись, директор первым делом решил побриться. В потный гранёный стакан нацедил он из самовара кипятку, взмахнул помазком барсучьего волоса и мигом покрыл лицо своё мыльной пеной.

От тёплых снов огнём пылали щёки директора Губернаторова — белоснежная пена таяла на щеках, как мороженое.

Директор взял в руки очень и очень опасную бритву, придвинул к себе зеркало и так сурово поглядел в него, что, если б это было не зеркало, а, к примеру, Белов и Быкодоров из четвёртого класса, вздрогнули бы они и торжественно поклялись никогда больше с криками не бегать по коридору.

Тремя взмахами расправился директор с пеною на щеках, набрал в ладони одеколону «Кармен» и, хорошенько искупавши лицо в одеколоне, сказал:

— Где яичница?

Через полсекунды на столе перед ним стояла уже сковородка, кривая, как Ладожское озеро. На сковородке щебетала пятиглазая яичница с салом, шептала о чём-то и глядела на директора своими застенчивыми оранжевыми глазами.

Директор Губернаторов поднял вилку и так глянул на яичницу, что если б это была не яичница, а всё те же Белов

и Быкодоров, то крепко б призадумались они и, возможно, стали бы учиться на одни пятёрки.

Скоро яичница закрыла свои незатейливые глаза, директор же нахмурил брови, взял в руки портфель о двух золотых замках и направился в школу.

Бритьё и яичница славно освежили директора, а на улице взбодрил утренний морозец. Хороший впереди намечался денёк — особый, последний в этой четверти. Сегодня в школе подведут итоги, сегодня станет ясно, сколько в школе отличников и двоечников, сегодня кто-то будет смеяться, а кто-то плакать, а завтра всем будет весело — завтра праздник.

Директор был в отличном настроении. Он решил сегодня же крепко прибрать к рукам Белова и Быкодорова.

У сельсовета директор прибавил шагу, услышав отдалённый шум, который удивил его и насторожил.

Шум усиливался, и теперь директор явно разобрал объединённый голос Белова и Быкодорова:

— Сикимора! Сикимора!

На школьном дворе развернулась настоящая ярмарка, здесь собралось человек сто народу, и все они кричали, гомонили, спорили. В воздухе летали синие, жёлтые портфели, шапки, кепки, книжки, варежки, горели щёки и глаза.

Директора никто вначале не заметил, но это его ни секунды не огорчило. Он вошёл в самую сердцевину ярмарки, кашлянул, поглядел вправо-влево и сказал:

— Так-так!

И сразу вдруг поблёк праздничный базар, побледнели лица, шапки перестали летать, а портфели сами собой все до одного позастегнулись. Стройными ручьями втекли ученики в двери школы. Белов и Быкодоров замешкались было на

крыльце, но, попавши под бинокль директорского взгляда, жестоко пожалели, что забыли дома тетради по математике.

Опустел школьный двор. Только у кроличьей клетки остались три человека. Это были Вера, Коля Калинин и дошкольник, на которого директор вовсе не обратил внимания.

— А вам что, особое приглашение надо?

Вера и Коля скромно опустили глаза и расступились перед директором, давая ему дорогу к кроличьей клетке.

Директор заглянул в клетку так строго, что если б случайно оказались в ней Белов и Быкодоров, они бы просто-напросто превратились в пепел. Но тут получилось иначе. Заглянувши в клетку, вздрогнул сам директор Губернаторов. Из-за решётки злобно и пристально смотрел на него Наполеон Третий.

Характер Веры Мершиной

— Это что такое? — спросил директор, и брови его изумлённо поползли по направлению к причёске. — Что это такое, я вас спрашиваю?!

Вера и Коля испуганно молчали.

В дело вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Это — песец, — просто ответил он.

Директор перекинул взгляд свой на дошкольника, как бы спрашивая: «А сам-то ты кто такой?» Дошкольник не шелохнулся, а Колю Калинина пробила неприятная дрожь. Он вспомнил, что дневник его до сих пор не подписан родителями. Коля пошевелил плечами и вдруг исчез, легко и неожиданно, как бабочка.

Директор поднял к небу брови и сказал:

— Песец? А откуда он взялся?

Вера попыталась открыть рот, но в разговор снова влез дошкольник:

— Сам прибежал.

— А откуда он прибежал? — спросил директор у Серпокрылова, предполагая, что Вера замолчала надолго.

Но теперь умолк неожиданно дошкольник. Насчёт того, откуда прибежал песец, у него было своё мнение, и он решил больше не навязывать его другим.

Дошкольник молчал, а брови директорские летали над ним, как чернокрылая ворона над ковылкинским оврагом.

Когда камень срывается с горы, он на эту гору уже никогда не заберётся, если только не найдётся человек, который втащит его обратно. И вот неожиданно такой человек нашёлся. Взвалил камень на плечи и потащил на вершину.

— Как откуда взялся? — сказала Вера. — Прибежал с Северного полюса.

Услыхав такие слова, «ворона» изумлённо сложила крылья и уселась директору точно на переносицу.

Директор задумался, ушёл в себя, прикидывая, очевидно, расстояние от полюса до деревни Ковылкино. На лбу его нарисовались параллели и меридианы.

— С добрым утром! — закричал Павел Сергеевич, вбегая на школьный двор. — Видели, кого мы поймали? Это ведь голубой песец!

— Голубой песец?! — повторил директор и сомнительно покачал головой. Нет, никак не увязывался в его голове песец с пришкольным участком. Взять, например, песца и взять пришкольный участок — нет, это никак не вязалось. Но, с

другой стороны, вот школа, вот пришкольный участок, а вот в клетке какая-то (верно сказано) «сикимора».

— Откуда ж он взялся?

— Со зверофермы сбежал,— ответил Павел Сергеевич.— Тут недалеко звероферма — семь километров.

— Ах вот оно что!

— Ничего подобного,— сказала Вера.— Вовсе не с фермы. Он прибежал с Северного полюса.

— Вера! — изумился Павел Сергеевич.— Что с тобой?

— Он прибежал с полюса,— ясно повторила Вера,— Серпоккрылыч прав.

— Меринова, в класс! — коротко скомандовал директор, увязавши наконец пса с пришкольным участком.

На крыльцо высунулась техничка Амбарова.

— Движок барахлит! — крикнула она и выхватила откуда-то из-под полы поддужный колокольчик работы валдайских мастеров. Хорош был колокольчик, а на ободке его отлиты были такие слова:

Купи — не скупись, езди — веселись!

Техничка щедро взмахнула рукой — весёлым серебром залився валдайский колокольчик, и, как лихие кони, вскачь, под звон его понеслись школьные уроки.

Три шестидесятилетия

Горячий выдался в школе денёк — последний день четверти. Вспыхивали в журналах четвертные отметки, а за ними кумачом горел завтрашний праздник.

Хлопотливый был сегодня денёк, сегодня двойку можно

было исправить на тройку, четвёрку на пятёрку. Сегодня можно было стать отличником, а можно и хорошистом.

Директор Губернаторов сидел в учительской и, как говорится, подбивал итоги. К сожалению, итоги не слишком радовали его, уж очень много высыпало в этот день троек. Тройки огорчали директора, ему хотелось, чтоб побольше было в школе отличников.

«А тут ещё этот песец,— раздражённо думал директор.— Оставлять его в школе никак нельзя. За праздники сдохнет. Надо звонить на звероферму».

Но телефона в школе не было, а оторваться от школьных дел директор Губернаторов не мог, как не может мудрый извозчик бросить на произвол судьбы своих коней.

— Пошлю телефонограмму,— решил директор.

На первой же перемене красным карандашом набросал он на листочке несколько слов, и техничка Амбарова помчалась в сельсовет.

Председатель сельсовета дядя Федя как раз в этот момент разговаривал по телефону с райцентром.

— Тысячу штук яиц уже собрали!— кричал он.— Алё! Собрали тысячу!

Из телефонной трубки слышалось грозное шипение и выстрелы, будто где-то на линии топили печь очень сырыми дровами, а то и баловались пистолетом.

— По яйцу?— кричал дядя Федя.— По яйцу больше не могу! Могу по маслу.

Но в райцентре долго его не понимали, и Амбарова сидела скромно на лавке, поджидая своей очереди. От нечего делать она разглядывала плакат, на котором акварельными красками была нарисована большая муха с изумрудными глазами. Под мухой написаны были стихи:

Муха на лапках разносит заразу.
Увидишь муху — прибей её сразу!

По стихам лениво ползала настоящая живая муха.

— Ну давай, чего там у тебя, — сказал наконец дядя Федя и потёр упревший лоб, как бы стараясь выкинуть яйца из головы.

Техничка протянула листок, дядя Федя развернул его и бодро начал читать:

— «Пойман зверь неизвестной породы...» Что? Что такое?

— Пёс его знает, что это такое, — бойко ответила техничка. — Право слово, какая-то Сикимора!

— И где ж она?

— Да в ящике сидит.

— Маленькая, что ли?

— Здоровенная. Хвост эвон какой! — И техничка развела руками так широко, что охватила ими и председательский стол и самого председателя. — Давай звони, мне бежать надо!

Дядя Федя снял трубку, снова телефонный треск наполнил комнату, и в треск этот председатель смело вклинил слова телефонограммы:

**пойман зверь неизвестной породы
похож песка
содержится ковылкинской
неполной
средней
школе
точка
директор Губернаторов**

Добиться зверофермы дядя Федя долго не мог: то попадал на молокозавод, то в ремонтные мастерские, но, наконец, телефонограмму кто-то принял, кому-то передал, и скоро загремел в ковылкинском эфире ответ зверофермы:

**пропал песец чрезвычайной важности
нашедшему премия
двадцать рублей
берегите песца
немедленно выезжаю
точка
директор Некрасов**

Подхватив телефонограмму, техничка поспешила в школу и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

— Песец! — ахнул директор Губернаторов. — Чрезвычайной важности!

Он схватил красный карандаш, и снова техничка Амбарова мчалась в сельсовет, и новая гремела под сводами сельсовета телефонограмма:

**песец надёжных руках
точка
директор Губернаторов**

Что делать?

Уже на первом уроке диковинные слухи поползли по ковылкинской неполной средней школе. Будто Верке Мериновой с полюса прислали песца, и песец этот дрессированный: если привязать его на верёвочку, он, как собака-поводырь,

приведёт на Северный полюс. В четвёртом классе стала собираться группа полярников, которые хотели бежать за песцом и добраться хотя бы до полуострова Канин Нос, пока про это дело не пронюхали родители. Белов и Быкодоров составили на промокашке список походных продуктов.

«Тушонки раз»,— написал Белов. «Эгущёнки два»,— добавил Быкодоров.

Всешкольная громкая слава навалилась на Веру Меринову и Колю Калинина. Неприметные второклассники стали героями, за ручку, за ручку здоровались с ними лбы из пятого класса.

Голова Коли Калинина отяжелела от славы, он ничего не видел вокруг себя—ни доски, ни учителя, огненная слава пылала у него на ушах.

На первой же перемене вся школа валом повалила глядеть песца, но тут на крыльцо вышел директор и взглядом разогнал народ по классам. На второй перемене приступил народ к Вере Мериновой, требуя ответа на свои вопросы. Вера и Коля сбивчиво и наперебой рассказывали, как было дело; но слишком уж большая собралась у печки толпа, все кричали, гомонили, и никто ничего не понял. Поняли только, что был овраг, была стрельба, был человек с зелёным сундучком и что в деле этом странным образом замешан дошкольник Серпокрылов.

Куцые сведения ещё больше разожгли фантазию, и слухи сделались ещё чудесней и странней.

Жил будто на свете полярник с зелёным сундучком, и был у него песец. Погиб полярник, а песца подобрала Верка Меринова. Вопрос: где теперь сундучок, в котором хранились царские червонцы и почтовые марки Оранжевых островов?

На третьем уроке начала сколачиваться группа изыскателей зелёного сундучка, но тут в дело решительным образом вмешались учителя, вызвали к доске с десяток кладоискателей, и постепенно, под стук мела, под лепет книжных страниц, стали забываться песец и полярник, стрельба и зелёный сундучок. Последний день четверти сделал своё дело.

И только во втором классе о песце не забывали ни на секунду, хотя и здесь был ответственный день, и здесь тройки сыпались, как семечки. Коля, к примеру, Калинин нахватал столько троек, сколько не съесть ему за все праздники пирожков с капустой.

Второклассники заволновались, и на втором уроке волнение достигло наивысшей точки. Кто-то видел, как техничка Амбарова бегала в сельсовет, кто-то слышал, что ей наказывал директор, и все поняли, что песца немедленно вернут на ферму.

В конце второго урока Вера разослала по классу секретнейшие записки, и все тридцать три второклассные головы слились в одну большую думающую голову, частично обриту наголо.

«Что делать? — думала эта гигантская голова. — Отдавать песца на ферму? Так ведь там из него воротник сделают!»

«Как чего делать! — решила наконец Вера Меринова. — Надо его так спрятать, чтоб не нашли».

Каша, заваренная на большой перемычке

Отзвенел валдайский колокольчик, кончился урок. Вынимай бутерброды, баранки, яблоки — началась большая пере-

менка. А большая переменка — это десять минут. За десять минут можно столько каши наварить, что потом и за двадцать не расхлебаешь.

— Как чего делать! — крикнула Вера, как только учитель вышел из класса. — Надо так его спрятать, чтоб не нашли!

Второклассники окаменели. Но не надолго. Всего лишь на секунду. И за эту секунду поняли, что другого выхода нет.

— Куда?

— Я знаю такое место, — сказал хорошист Миша Чашин. — Только закройте дверь, чтоб никто не слышал.

Дверь заперли учительским стулом, и весь класс столпился вокруг хорошиста.

— Я знаю такое место, — шептал Миша так, чтоб всем было слышно. — Там его никто не найдёт. А нас всё-таки тридцать три человека — вырастим, воспитаем. Важно только, чтоб среди нас не было предателя.

— Верно, верно! — подхватили второклассники. — Важно, чтоб не было предателя!

Тут все переглянулись и поняли, что предателя среди них нет.

— Ну давай, давай, не тяни! Что за место? — нетерпеливо спросил Коля Калинин, немного огорчённый тем, что его отодвинули на второй план.

Миша приложил палец к губам, огляделся тревожно: не слышит ли его посторонний? Но посторонних в классе не было, разве только знаменитый химик Менделеев, который выглядывал из рамы над классной доской.

И всё-таки Миша не решался так просто брякнуть, куда надо спрятать песка. Он выдрал листок из тетради по математике и быстро начиркал:

В баню колдуна Карасёва.

— Место хорошее,— шёпотом решили все.— Там его никто не найдёт!

— Надо поскорей увести песца из школы,— сказала Вера.— А то будет поздно.

— Давайте я сбегу с уроков,— предложил Сашка Самолётов, вылезая неожиданно на первый план.

— Ладно тебе,— сказала Вера, возвращая Самолётова на его место.— Ты лучше двойку по русскому исправь.

— Может, я сбегу? — неуверенно сказал Коля Калинин.

— Не надо никому бегать,— ответила Вера и подошла к окну.— Есть один человек. Он сделает.

Вера стукнула пальцем в стекло, и за окном сразу же появилась круглая голова в офицерской фуражке. Лязгнули шпингалеты, окно распахнулось, и дошкольника Серпокрылова за руки втянули в класс. Отряхнувши снег с валенок, он прислонился к печке.

— Серпокрылыч,— прошептала Вера,— ты был прав. Тишку надо спрятать. Бери верёвку и, как только начнётся урок, отведи его...

— Стоп! — многозначительно оборвал её Миша Чашин и, таинственно подмигнув, подал дошкольнику записку.

— «Бэ», — напряжённо прочёл Серпокрылов, повертел записку, причитался как следует и добавил: — «А-а... Ба...»

— Да он читать не умеет! — восхищённо загомонили второклассники, а Вера наклонилась к дошкольнику уху и что-то шекотно и горячо зашептала.

— Сделаю,— согласно кивнул дошкольник.

— А записку уничтожь,— добавил Миша.

Дошкольник хотел разорвать записку, но тут зазвенел поддужный колокольчик, загремела дверь, зашатался стул, просунутый в дверную ручку.

Дошкольник прощально помахал запиской и вдруг засунул её в рот. Под огнём шестидесяти шести глаз с тревожным хрустом он сжевал творчество Миши Чашина.

— Дайте чего-нибудь зажевать,— сказал дошкольник, направляясь к окну.

Кто-то кинул ему кособокое яблоко, и со звоном откусил Серпокрылов половину косоного бока, вылезая в окно. Уже будучи ногами на улице, он обернулся, поглядел Вере в глаза и повторил:

— Сделаю!

И ведь сделал, всё сделал дошкольник Серпокрылов, и как раз вовремя.

Интересные задумки директора Губернаторова

Ни минуты покоя не было сегодня у директора Губернаторова. То набегали в кабинет учителя, то приставал с какими-то лопатами завхоз, то сам директор торопился навести в пятом классе необходимый порядок.

Особо много хлопот доставили директору двоечники. На третьей перемене директор устроил в своём кабинете настоящее собрание двоечников.

Двоечники выстроились по росту у книжного шкафа, и первую минуту директор просто прохаживался перед ними.

Испачканные мелом двоечники бестолково переминались с ноги на ногу, сильно чем-то напоминая маляров или штукатуров.

Всю эту бригаду возглавляли отпетые Белов и Быкодоров, которых, впрочем, даже нельзя было назвать двоечни-

ками. Не было в школьном словаре такого слова, чтоб обозначить Белова и Быкодорова. И директор нашёл такое слово — «коловики».

С них-то и начал директор и сразу взял Белова и Быкодорова за рога.

— А вы, голуби,— сказал он и ткнул правой рукой в грубую грудь Белова, а левой — в бодрую Быкодорова,— а вы, голуби, доколе позорить будете вашу школу? Вы, наверно, думаете, что я собираюсь хихоньки-хахоньки разводить? Ошибаетесь!

Я сделаю из вас настоящих людей! Прямо здесь, в этом кабинете, вы дадите обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно».

Припёртые к стенке коловики вяло грянули:

— Прямо здесь, в этом кабинете, даём обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно»!

После коловиков директор занялся рядовыми двоечниками. Он буквально перепахал их души и засеял перепаханное разумными семенами. Двоечники, как гуси, вытягивали шеи, уши их загорались от слов директора, а причёски вскулдычивались. Особенно сильное впечатление произвёл на двоечников рассказ о том, как поступали с такими, как они, в старое время. Некоторые двоечники плакали навзрыд.

Отделав двоечников по первое число, директор отутюжил каждого в отдельности и только после этого распустил их по классам.

Мысли директора побежали по новой дороге и натолкнулись на премию, которая полагалась за чрезвычайного зверя.

«Кто же её получит? — размышлял директор. — Неужели Меринова? Да зачем же второкласснице деньги! К тому же

здесь замешан Калинин, потом Павел Сергеич да ещё какой-то дошкольник. А если премию поделить на четверых, что получается? По пятёрке на брата. Ну, это чепуха! Пускай Меринова и Калинин пятёрки на уроках получают!»

В этом месте своих размышлений директор остановился, прервал размышления на минутку и улыбнулся. Ему понравилась собственная шутка, и он повторил её вслух, щёлкнув ногтём по глобусу:

— Да-да, пускай лучше пятёрки на уроках получают!

Повизгивая, крутился глобус, мелькали океаны и материки.

Крутящийся глобус навёл директора на мысли глобального масштаба. Он взглядом остановил глобус и продолжил размышления:

«А что, если получить премию и послать её в какой-нибудь город, пострадавший от землетрясения? Вот это интересная задумка!»

Директор Губернаторов заволновался, снова щёлкнул по глобусу и внимательно теперь разглядывал мелькающие части света, как бы выискивая город, пострадавший от землетрясения.

Директор Губернаторов вообще любил интересные задумки и частенько сам задумывал их.

«Ладно,— решил директор.— Получим премию сами и купим на неё десяток глобусов, а Мериновой и Калининку объявим благодарность. Вот это задумка так задумка! Остаётся дошкольник Серпокровлов. Но тут дело проще пареной репы. На будущий год, когда он поступит в школу, посадим на первую парту — это будет хорошая награда. Да, да! Сегодня же после уроков надо собрать во втором классе собрание

и объявить благодарность. Вот настоящая праздничная задумка!»

Директор Губернаторов посмотрел на часы. Через три минуты должен был кончиться последний урок, и, наверно, подъезжал уже к школе «газик» со зверофермы. Директор Губернаторов решил глянуть ещё раз на чрезвычайного зверя и вышел на крыльцо, повторяя про себя:

«Хорошая, интересная задумка!»

Он пересек школьный участок, заглянул в кроличью клетку, и, как испуганные с дороги грачи, поднялись на крыло директорские брови и вовсе улетели со лба: дверца клетки была распахнута! Пропал зверь чрезвычайной важности, исчез, растаял!

И тут залился-заклокотал за спиной директора валдайский колокольчик: кончился, кончился последний урок первой четверти, а завтра каникулы — свобода и веселье. Завтра зазвенят и сбудутся слова, отлитые на колокольчике: «Купи — не скупись, езди — веселись».

Второй класс медитация Менделеева

Барабанной россыпью, пулемётной дробью простучали крышки парт, ученики подхватили портфели, кое-как покидали туда учебники и, как пехотинцы с криком в атаку, бросились из школы на улицу.

Кончился последний урок первой четверти!

Гуляй, двоечники и троечники, отличники и хорошисты, веселись, неслыханные коловики!

Только во втором классе не слышно было криков и ве-

селья. Здесь стояла та самая тишина, которую называют мёртвой. Выпрямив спины, сидели второклассники на своих местах, и сидели так ровно, так чисто и хорошо, что даже самый придирчивый человек не мог бы сказать, что вот, дескать, они «плохо сидят».

От окна смотрел на них Павел Сергеевич, покачивал печально головой, а у доски, прямо перед ребятами, как великан перед карликами, возвышался директор Губернаторов.

Во второй класс директор заходил редко, и всем было ясно, что явился он неспроста, что сейчас начнётся нехороший разговор.

Огромный, как гора, стоял директор под портретом Менделеева и на плечах своих, казалось, держал грозовую тучу.

Тишина становилась всё тише, она нагнеталась, нагнеталась и наконец сгустилась до такого состояния, что её можно было уж разливать в банки, как сгущённое молоко. Тишину пора было разрядить, и директор сделал это.

— Так,— сказал директор.

Это простейшее слово он произнёс настолько сильно, что оно врезалось в головы второклассников, как гвоздь в липовую доску. Во втором ряду кто-то тихо, но явственно задрожал.

— Значит, вы не знаете, куда девался песок. А кто ж тогда знает?

Директор Губернаторов прекрасно понимал, что знает об этом весь класс. Ни секунды не думал он, что песка увёл посторонний. Как только увидел пустую клетку, сразу вспомнил разговор с Верой Мериновой и понял, что без неё тут не обошлось. Знал директор, что Веру ребята уважали и скорей всего поддались на её агитацию и спрятали песка. Директор Губернаторов был мудрый человек и всех своих уче-

ников видел насквозь. Одного только не мог он понять: как им удалось спрятать песца, не выходя из школы? Но этот вопрос он надеялся прояснить в самое короткое время.

— Меринова! И ты не знаешь, где песец?

Вера вскочила из-за парты и молча уставилась в портрет Менделеева.

— Что ж ты молчишь?

Вера не отвечала. В тишине слышно было, как колотится её сердце.

— Меринова, как видно, онемела,— сказал директор. Он пригляделся, посмотрел на Веру повнимательней, как дровосек, который хочет расколоть полено и выбирает, с какого бока ударить, но решил пока её оставить и выбрать чурбанчик помягче.

— Калинин!

Коля с громом вскочил из-за парты. С таким громом в лесной тишине вдруг в кустах подымается тетерев.

— А ты что скажешь?

Коля открыл рот, глянул в окно и осёкся.

— И этот онемел,— заключил директор.— Ты куда смотришь? Воробья увидал?

— А чего он рожи строит?!— неожиданно и плаксиво сказал Коля.

Директор Губернаторов кинул взгляд в окно и увидел за стеклом дошкольника Серпокрылова, который действительно строил рожи в глубину класса. Тут директор так посмотрел на дошкольника, что состроенная рожа мигом превратилась в симпатичное и милое лицо и скромно скрылась куда-то вниз.

— Ну, Калинин, так куда же пропал песец?

Коля молчал, его заинтересовал портрет Менделеева.

Пышная борода знаменитого химика буквально приковывала взор.

— Так,— сказал директор.— Ну что ж, продолжим! Чашин!

Миша Чашин неторопливо встал из-за парты, хотел поглядеть в глаза директору, но не тут-то было. Менделеев притягивал как магнит.

Минуты через три весь класс стоял уже на ногах и рассматривал портрет великого учёного. Даже дошкольник Серпокровлов, вновь появившийся в окне, тоже глядел на Менделеева.

Опять установилась в классе неприятная тишина. С минуту была она мёртвой, но скоро стала превращаться в гробовую. В тишине грозовой тучей темнело лицо директора Губернаторова, задумчивы были ребята, и печально глядел на них Павел Сергеевич. Только лишь знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев ласково улыбался, распустив свою великую бороду над головой директора.

— Павел Сергеевич,— сказал неожиданно директор,— приведите дошкольника Серпокровлова.

Лёгкий шелест прошёл по классу, и директор Губернаторов понял, что он попал в точку. Директор Губернаторов был мудрый человек, он умел связывать концы с концами.

О мудрый директор Губернаторов!

Как опытный капитан, обходя подводные рифы, ведёте вы школьный корабль и без подзорной трубы видите, что творится в душах и сердцах двоечников, троечников и коловинов. Как плотник Меринов видит насквозь стакан с лимонадом, как мамаша Меринова видит насквозь самого плотника, так точно и вы видите насквозь их дочку, а с нею вместе всех своих учеников и даже дошкольника Серпокровлова, вводи-

мого в эту минуту в класс. Страшно человеку, случайно разбившему стекло, подходить к двери вашего кабинета, страшно лентяю, нарочно забывшему дома тетрадку по математике, встретиться с вами в коридоре, плохо придётся ему, одним взглядом пронизанному насквозь. Лишь человек с чистой душой, с чистыми ногтями и тетрадями, отличник и хорошист может спокойно пройти мимо вас, да и то, наверно, вздрогнет и подумает про себя: а так ли уж я чист, а не я ли на прошлой неделе обманул самым бессовестным образом классного руководителя?

— Ну вот,— сказал директор.— Явился главный свидетель.— Ну-с, гражданин дошкольник, как вы поживаете?

Дошкольник Серпокрылов почтительно отряхнул на пороге валенки и прислонился к печке. Он стоял так скромно, тихо и неподвижно, что можно было усомниться: да Лёша ли это, дошкольник ли, не еловый ли это пенёк?

И директор понял, что наконец-то попало ему полешко послабже. Директор уж взмахнул топором, чтоб расколоть его, как вдруг зафырчал у ворот школы «газик», взревел белугой и заглох. Открылась дверца, и высунулась из машины знаменитая пыжиковая шапка.

Два директора

Очень и очень постным да пресным сделалось лицо директора Губернаторова. В глупое, в неприятное положение попал директор. Посылал телефонограммы про надёжные руки, а получилась чепуха. Неодобрительно осмотрев свои

руки, оказавшиеся не такими уж надёжными, он убрал их в пиджачные карманы.

— Садитесь,— сказал директор ученикам, а Павлу Сергеевичу шепнул два слова, и тот побежал на крыльцо встречать представителя зверофермы.

В окно видно было, как пыжиковая шапка пересекла школьный двор, поднялась на крыльцо, а тут перехватил её Павел Сергеевич и стал что-то объяснять, горячо размахивая руками. Что говорил Павел Сергеевич, слышно не было, но пыжиковая шапка недовольно шевелилась в ответ.

Наконец объяснения кончились, простучали по коридору неслыханные ещё в школе полуботинки, приоткрылась дверь — и директор Некрасов вошёл в класс, длинный, сухопарый, в пыжиковой шапке.

Второклассники с громом вскочили из-за парт, приветствуя директора зверофермы.

— Во жердина-то! — восхищённо шепнул Коля Калинин. — Во журавель, во сушёный лещок!

— Сядьте, дети, — мягко сказал Губернаторов. — А ты, Калинин, встань столбом и постой пока!

— За что? — заныл Коля. — Я больше не буду.

Но директор Губернаторов знал за что. Он имел чуткое ухо, которое сразу ухватило и «журавля» и «лещка сушёного». Только лишь «жердину» проморгало оно.

Директор Некрасов прошёл между парт к доске и протянул руку директору Губернаторову.

Встретились два директора и поглядели друг другу в глаза.

Властным был взгляд директора Некрасова, волевым — директора Губернаторова.

Встретились два директора — и тесно стало во втором

классе, захотелось чуть-чуть раздвинуть стены, распахнуть окна.

Директора крепко пожали друг другу руки. Некрасов после рукопожатия руку положил в карман и уселся, а директор Губернаторов свою руку, на которой написано было «Таня», поднял в воздух и грозно покачал пальцем.

— Так, значит, вы не знаете, куда девался песец? — сказал он, не глядя на директора Некрасова. — Весь день сидел в клетке, а теперь, когда приехал ответственный товарищ, он вдруг пропал... Так-так, но мне известно, что песца вы спрятали. Его надо вернуть на ферму — и никаких разговоров!

Директор закончил короткую речь и в конце её поставил яростную точку.

После точки тишина в классе сделалась ещё более тягостной и опасной. Никто не шевелился. Попробовал шевельнуться неопытный дошкольник, но тут же устремились на него директорские взгляды, и дошкольник замер.

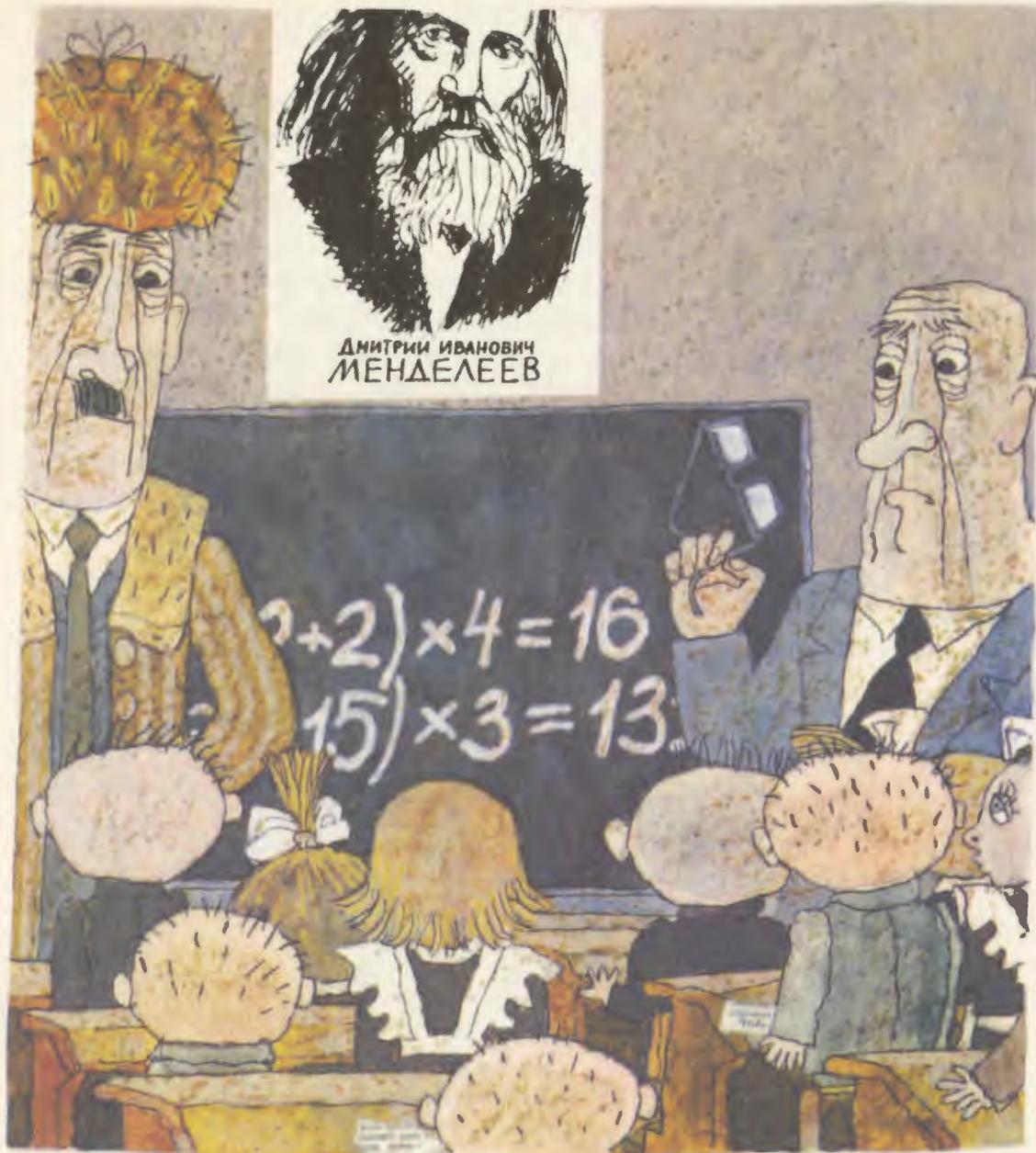
Наконец у окна зашевелился Павел Сергеевич. Он решил, как видно, спасти положение.

— Ребята, — начал он, — песца надо вернуть. Это не наш песец. Он стоит больших денег и принадлежит государству. А если вам хочется вырастить зверей — пожалуйста. У нас есть кролики, можно завести чёрно-бурых лисиц.

Павел Сергеевич перевёл дыхание и, заметив, что второй класс не подаёт признаков разговора, продолжал:

— Я просто не понимаю, почему вы не хотите его отдавать? Ну, объясните мне.

Павел Сергеевич остановился и попытался заглянуть ребятам в глаза. Но взгляды второклассников блуждали по

ДМИТРИ ИВАНОВИЧ
МЕНДЕЛЕЕВ

классу и по проторённой дорожке устремлялись понемногу к Менделееву.

— Вера, — ласково сказал Павел Сергеевич, — я не спрашиваю, где песец. Скажи, почему вы не хотите его отдавать?

Вера любила рисование и очень уважала Павла Сергеевича. К тому же он был замешан в этом деле, и, если б не он, неизвестно, чем бы кончилось приключение в ковылкинском овраге. Павел Сергеевич имел право на ответ.

Вера собралась с духом и выпалила несколько фраз. Однако она так разволновалась, что разобраться в её словах никто не смог.

— Что такое? Что?

— Что ты сказала? Повтори! — сказал и директор Губернаторов.

И долго ещё упрашивали Веру повторить, прежде чем она снова собралась с силами и ясно высказалась.

— Мы Тишку на ферму не отдадим, — сказала она. — Из него там воротник сделают.

— Воротник? — изумился Павел Сергеевич и руками развёл от неожиданности. Он хотел было сказать что-то в ответ, но никак не мог подобрать подходящие слова.

Павел Сергеевич замялся, а ребята оторвались от Менделеева и глядели на учителя.

Вот теперь Павел Сергеевич имел возможность посмотреть ребятам в глаза, но взгляд его побрёл по классу, упёрся на миг в пыжиковую шапку и нашёл наконец-таки интересное местечко. Павел Сергеевич смотрел на Менделеева.

Затейливым был всё-таки портрет знаменитого химика: багетовая рамка, пышная борода и подпись печатными буквами: «Дмитрий Иванович МЕНДЕЛЕЕВ».

А вот вы, Дмитрий Иванович, как бы вы поступили в таком случае? Что бы вы сказали насчёт воротника? Сделают ведь, а?

Но не успел ответить Дмитрий Иванович — вдруг раздался в классе неожиданный грохот. Это ударился об стол кулак директора Некрасова.

Второклассники все, как один, вскочили из-за парт и встали по стойке «смирно».

Директор Некрасов вытянулся во весь рост и снял с головы пыжиковую шапку.

Второклассники, конечно, не знали, что директор Некрасов делает это очень редко. Только в самых ответственных случаях.

Речь директора Некрасова

Собралась наконец-таки над вторым классом туча. Нависла, нависла над партами грозная пыжиковая шапка, зарницами засверкали сухие некрасовские глаза, и взгляд директора Губернаторова потускнел в сравнении с этим стихийным огнём.

Один только лишь вид директора Некрасова вызывал чувство огромной ответственности, и слова, которые он готовился произнести, должны были прозвучать вулканически. И вот послышался отдалённый гром, который всё нарастал, нарастал и взорвался наконец над головами. Это был просто кашель, но, схожий с землетрясением, он вызвал уважение и трепет.

У Веры Мериновой сам собою развязался на косе бант, сполз на плечо голубой змейкой.

— Садись! — медвежьим голосом рявкнул Некрасов и махнул своей шапкой справа налево.

И пока шапка была ещё справа — второй класс стоял, а когда уехала она влево — все уже сидели на своих местах. И даже дошкольник Серпокрылов присел на корточки у печки.

— Скажите-ка, ребята, — сказал Некрасов, — разве похож я на негодяя?

Пауза, только пауза могла появиться на свете после такого вопроса, пауза и полная тишина. Всё, что угодно, ожидали ребята, они ожидали крика: «Где песец!», ожидали чего-нибудь вроде: «Ну, берегитесь!», но такого вопроса они никак не могли ожидать.

Общее и пугливое недоумение охватило второклассников. Ошеломлённо глядели они на директора Некрасова. Ни Павел Сергеевич, ни директор Губернаторов тоже не ожидали такой постановки вопроса.

Однако вопрос был поставлен и требовал ответа.

— Я вас спрашиваю: похож я на негодяя или нет?

Ребята слегка зашевелились, стали переглядываться, но никто не решался, конечно, открыть рот и ответить, — слишком уж необычным и опасным казалось такое дело.

— Вот ты, девочка, — сказал Некрасов и ткнул пальцем в Веру. — Ответь, пожалуйста!

В которой уж раз вскочила Вера из-за парты и молча уставилась на директора Некрасова, как будто изучала, что, в самом деле: похож или не похож?

— Что ты молчишь, будто в рот воды набрала? — подал голос директор Губернаторов. — Отвечай!

Вера окостенела, и неизвестно, чем бы всё кончилось, если б в дело не вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Ну, не похож, не похож,— сказал он, спасая Веру.

— Вот и хорошо,— обрадовался директор Некрасов.— На негодяя я не похож, и на живодёра тоже. Так вот, я вам говорю, а моё слово — закон. Я говорю вам, а вы слушайте: этого песца на ферме никто пальцем не тронет! Понятно? Ах, непонятно? Ну, так я объясню. Этого песца звать Наполеон Третий! Понятно?

Вдох удивлённого облегчения прошёл по классу, обстановка немного разрядилась, ребята стали даже перешёптываться и подталкивать друг друга под бока.

— Наполеон! Вот здорово!

— Да, да, Наполеон Третий! — подтвердил директор Некрасов, чувствуя, что ледок начал таять.— Его дед был Наполеон Первый, а отец — Наполеон Второй. Так вот, слушайте дальше. Наполеон Третий ещё недопёсок, щенок, но он очень драгоценный зверь. Вы ведь заметили, какой у него прекрасный мех. Таких песцов, как он, на свете больше нет. Поэтому никто не станет делать из него воротник. Этого песца мы будем беречь как зеницу ока, потому что собираемся вывести от него новую породу. Ясно вам? Это говорю вам я, директор Некрасов, а моё слово — закон.

Директор выждал некоторую паузу, давая второклассникам переварить сказанное, а когда решил, что всё переварено, продолжал:

— Я не мастер много говорить. Я мастер много делать. Поэтому я добавлю вот что: все ребята, которых интересуется звероводство, могут приходить на ферму. Мы организуем кружок звероводов, а вот эту девочку, которая здесь, кажет-

ся, главная, мы изберём старостой. Вы сами будете ухаживать за Наполеоном и другими пещами, а также норками. Больше я говорить ничего не буду. Решайте. Всё!

Директор Некрасов махнул своей шапкой, с размаху нахлобучил её на голову и сел.

Внутри у него щёлкнул какой-то выключатель, и глаза потухли.

Наполеон Тимчадинский

Мудр был директор Губернаторов, но и директор Некрасов ни в чём ему не уступал. Два метких выстрела — и второй класс, как подбитый рябчик, лежал в охотничьей сумке директора и только лишь взволнованно трепыхался.

Слова Некрасова разворошили мысли второклассников, как ветер ворошит плохо смётанный стог. Разлетелись мысли во все стороны и только минуты через две снова собрались в стаю и потекли по новому руслу. А русло это оказалось весьма широким: Тишка-то был не Тишка, а Наполеон! Вот это новость! И никто не собирался делать из него воротник. Но самое главное — это ворота, которые распахнулись перед ребятами, ворота в новый мир — на звериную ферму! Это действительно здорово!

— Забирайте Наполеона! — крикнул Миша Чашин.

— Он в бане сидит!

— Парится!

— Да здравствует Наполеон Третий!

Хорошо сразу и светло стало в классе, прояснились лица,

раздвинулись стены и свободно уже умещали двух директоров.

— Кто хочет записаться в кружок? — крикнул Коля Калинин, и сразу поднялся над партами лес рук — будто кавалерийский эскадрон выхватил сабли наголо.

Коля достал клочок бумаги и с видом учёного секретаря стал записывать желающих записаться.

— Меня, меня запиши! — теребил Колю Миша Чашин. — Я буду ухаживать за песцами!

— И меня за песцами! За Наполеоном!

— Меня за Наполеоном!

— Да нельзя же всем за Наполеоном, — возражал Коля. — Надо бросить силы и на чернобурок.

Но всем хотелось ухаживать за Наполеоном, кормить Наполеона, выращивать Наполеона и будущих его наполеончиков. В глазах второклассников горела мечта о новой породе, о Наполеоне Четвёртом, Наполеоне Пятом и даже, если дело пойдёт хорошо, о Наполеоне Пятнадцатом.

Гвалт и вороний грай раздались в классе, засиял у окна Павел Сергеевич, с гордостью поглядывая на любимый им второй класс, улыбнулся директор Некрасов, и даже в бровях у директора Губернаторова потеплело.

И вот в этот самый момент раздался хриловатый голос:

— Чепуха!

— Что чепуха? — переспросил Павел Сергеевич.

— Всё это чепуха, — повторил дошкольник.

— Почему чепуха? Какая чепуха? — зашумел народ, а дошкольник Серпокрылов снял с головы офицерскую фуражку. Надо сказать, что он делал это в исключительно редких случаях. Когда ложился спать.

Зуб дошкольника Серножидова

Всё-таки сегодня выдался удивительный денёк. Скучать не приходилось.

Дошкольник помахивал рукой, успокаивая народ. Он явно собирался произнести речь, но не знал, как её начать. Слова типа «ребя» или «пацаны» для такого случая не годились.

Когда класс немного затих, дошкольник простёр ладонь свою к Менделееву и сказал:

— Товарищи!

Второклассники опешили.

Директор Губернаторов нахмурился.

Дошкольник понял, что попал в глупое положение. Ему захотелось тут же провалиться на месте, но крепок был школьный пол, который перестилал плотник Меринов.

— Филька бежит на Северный полюс,—упавшим голосом продолжал дошкольник.—Чего ж ему в клетке сидеть?

Он снова растерянно замолчал, как будто ожидая аплодисментов, но не дождался их. Стало страшно. Но деваться было некуда, и дошкольник ринулся в бой.

— Он сбежал с фермы и теперь бежит на полюс, потому что он сам северный. На полюсе ему будет хорошо, хоть и холодно. У него там и дети народятся. Пускай он бежит на север, кому ж охота в клетке сидеть? А потом все песцы изберут его атаманом.

Дошкольник остановился. Хотелось чего-то добавить, но что именно добавить, он не знал. Второклассники почему-то не смеялись — то ли они задумались, то ли, стыдно сказать, немного оробели и решили не связываться с человеком, кото-

рый горюет про Северный полюс. Второклассники оглядывались на директоров.

— Это что ещё такое? — изумлённо сказал директор Губернаторов и взмахнул бровями.

Но тут директор Некрасов положил руку на плечо директору Губернаторову, успокаивая его. Директору Губернаторову такое потрёпывание никак не понравилось. Не родился ещё на земле человек, которому позволил бы директор Губернаторов трепать себя по плечу. Но директор Некрасов тоже был директор, и поэтому директор Губернаторов не стал скидывать с плеча его руку, но просто-напросто взял да и положил свою руку на плечо директору Некрасову. Потрепавши друг друга по плечам, директора успокоились, а потом директор Некрасов улыбнулся и пошёл через весь класс прямо к дошкольнику Серпокрылову.

Директор Некрасов приближался и с каждым шагом улыбался всё шире и веселей. Когда Серпокрылову улыбались, он тоже обычно не оставался в долгу. Лицо его, похожее всё-таки на заварной чайничек, засияло, заискрилось ответной улыбкой.

— А ты откуда взялся, такой маленький? — ласково спросил директор Некрасов.

— Я, дяденька, тутошний, — ответил дошкольник, сияя.

Он улыбался так широко, что директор Некрасов сумел сосчитать все зубы, которые имелись у дошкольника в зеркале.

— Семь штук, — сказал директор Некрасов. — Что ж это ты, парень, так обеззубел? Страшно небось к врачу-то ходить, зубы выдирать?

— А я, дяденька, к врачу не хожу, — ответил дошкольник, не оробевши ни на секунду. — Я свои зубы сам вынимаю.

— Хе-хе,— снисходительно сказал директор Некрасов и подмигнул вдруг всему классу.— А ну-ка вынь для меня зубок! На память!

В классе кое-кто слегка засмеялся.

— Ну что ж,— солидно ответил дошкольник,— это можно!

Тут он вдруг поглядел тоскливо на Менделеева, а потом щёлкнул пальцами— да и выхватил изо рта у себя зуб!

Класс ахнул, а директор Некрасов побледнел.

— Берите, берите,— успокаивал его дошкольник,— у меня новые отрастут.

Директор Некрасов засуетился, снял для чего-то пыжиковую шапку, снова нахлобучил её и осторожно принял зуб из рук дошкольника.

— Грррыхм,— кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золочёная авторучка.

— Нет, нет,— сказал дошкольник,— его надо бросить за печку и сказать:

Мышка, мышка!
На тебе зуб репяной,
А дай мне костяной.

— Ладно, ладно,— сказал директор Некрасов, приходя немного в себя.— Не учи учёного. Знаю, что делаю. Ты скажи, парень, как тебя зовут?

— Лёша.

— Так вот, Лёша, откуда же это у тебя такие сведения? С чего ты взял, что Наполеон бежит на север?

— А куда же? — не растерялся дошкольник.

— Не знаю, не знаю,— сказал директор и недоверчиво покачал головой.— Но если он рвётся на полюс, чего он тогда

делает в деревне Ковылкино? Не знаешь? Не можешь ответить. А я знаю. Потому он и крутится возле деревни, что ему кушать хочется. А сам он себе пропитание добыть не может. Он родился в клетке и вырос в ней, и он просто не добежит до полюса, пропадёт. Его разорвут собаки, или подстрелят охотники, или задавит машина, или просто он сам помрёт от голода. Так что у Наполеона единственный выход — жить на ферме. А что зуб подарил — так за это спасибо!

Последнее убежище Наполеона

Вот так всё и кончилось, всё разрешилось. Директор Некрасов поставил дошкольника на место, да ещё и зуб его унёс в нагрудном кармане.

Откуда вообще-то взялся этот дошкольник? И что это он берётся рассуждать за Наполеона? С чего взял он, что Наполеон рвётся на Северный полюс? А зачем он тогда болтался в деревне Ковылкино? Ночь провёл у Пальмы, топтался у магазина. Нет, не прав дошкольник, ни капли не прав.

— Долой дошкольника! — крикнул Коля Калинин, и все охотно засмеялись.

Устали второклассники, и пора было кончать затянувшееся собрание.

Кончился последний день четверти. Гуляй, ребята, кончай рассуждать! А после праздников все пойдём на ферму, будем кормить песцов, воспитывать норок и серебристых лис!

— Пойдёмте, товарищ директор! Пойдёмте в баню! Пой-

дёмте, я вам покажу! — кричали второклассники, собирая портфели.

Развеселились ребята. Целый день держались они молодцами и теперь заслужили веселье. И Вера Меринова заслужила. Уж она-то сделала всё по справедливости, честно тащила камень на вершину горы.

— Лёш, — сказала она, подходя к дошкольнику, — а ты пойдёшь на ферму?

— На ферму? — переспросил дошкольник, не слишком слушая Веру, а только лишь наблюдая за тем, как директора жмут друг другу руки. — Не знаю... Если меня возьмут...

— Вот и хорошо! — обрадовалась Вера. — Ты не сердись.

Вслед за директорами весь народ повалил на улицу. Все знали, где находился баня старика Карасёва, и все хотели показать к ней дорогу.

Впереди, рядом с директорами, шагал Коля Калинин и шофёр со зверофермы, который нёс на вытянутых руках походную клетку. В самом конце отряда шагали Павел Сергеевич, Вера Меринова и дошкольник Серпокровлов.

— Эх, брат, — говорил дошкольнику Павел Сергеевич, — не всегда так получается, как хочется.

— Это верно, — солидно соглашался дошкольник.

— Взять, к примеру, меня, — продолжал Павел Сергеевич. — Всю жизнь мечтал быть художником, а не получилось.

— Ну уж нет, — возразил дошкольник. — Вы здорово рисуете! И корову можете, и быка.

— Ха-ха, рисую я и правда неплохо, а Репин из меня не получился. Не я написал картину «Иван Грозный убивает своего сына». Мне только баню карасёвскую рисовать.

Карасёвская баня между тем действительно заслуживала

рисования. Она так скособочилась, что никакой художник из головы придумать такого не мог.

За всю свою долгую жаркую жизнь не видала баня старика Карасёва такого скопления народу. Шум, смех, громкие голоса перепугали её, баня ещё сильнее скособочилась, а заметив двух директоров, от страха осела в землю.

— Так вот в какую тюрьму спрятали вы Наполеона! — засмеялся директор Некрасов. — Ну, у нас на ферме ему лучше. В такой квартире его крысы загрызут.

Смеясь, директор Некрасов распахнул со скрипом щелястую дверь и влез в предбанник, из которого пахло дёгтем и берёзовыми вениками. Директор Губернаторов решил не отставать от своего сотоварища и тоже влез для чего-то в предбанник, проломивши головою низенький потолок.

Перевертывая ушаты и громыхая листовым ржавым железом, неведомо для чего наваленным в бане, директора потолкались внутри и вылезли наружу.

— Чёрт знает что такое, — растерянно сказал Некрасов и развёл руками. — Пусто!

— Это что за шутки! — грозно сказал Губернаторов, одним взглядом охватив всех второклассников. — Это что за шутки! Где песец?!

— Там, там! — зашумели ребята. — Он там, в бане! Он должен быть там!

Заволновались второклассники, замахали портфелями, и тридцать три руки схватили за шиворот дошкольника Серпокрылова.

— Где песец?

— Где Наполеон? — ревели возмущённые второклассники.

— Какой ещё Наполеон? — отбивался дошкольник. — Не знаю никакого Наполеона!

— Говори, где песец? Где Наполеон?!

— Сейчас сколько время? — спросил дошкольник, освободившись немного от дружеских тисков.

— Половина третьего, — сказал Павел Сергеевич.

— Ну что ж, — сказал дошкольник, — я думаю, он уже на полюсе.

Окружение и война

Верно сказано, что человеческое терпение имеет границы. Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев.

И вот лопнула скорлупа терпения, и страшный цыплёнок гнева выскочил на свет и кинулся клевать дошкольника.

— Где Наполеон? Куда ты его дел?

— Да чего вы пристали? — отвечал дошкольник. — Нет Наполеона! Я его отпустил! На полюс!

— Он его отпустил! — кричали второклассники, обманутые нагло и бесповоротно.

От грозных криков ещё больше съёжилась карасёвская баня, переползла от греха подальше на новое место.

— Товарищи директора! Мы ему доверили! А он отпустил!

— Прекратить базар! — рявкнул директор Некрасов, и даже пыжиковая его шапка побледнела от злости. Он выхватил из кармана зуб дошкольника Серпокрылова и растоптал его.

Дошкольник отошёл немного в сторону, независимо, впро-

чем, выглядывая из-под офицерской фуражки. Он был готов ко всему.

А Вера растерялась, никак не могла понять, что же случилось.

Да неужели и вправду Лёша отпустил песца? Неужели серьёзно толковал он о полюсе и можно ли верить в такую ерунду?

Вера поглядела на дошкольника и поняла раз и навсегда, что сомневаться не приходится. По глазам его было видно, что он верил в ерунду и сделал чёрное дело — отпустил Наполеона.

— Это Верка виновата, — сказал Коля Калинин. — Она за него ручалась.

— Мы доверились.

— А ты, Меринова, — сказал директор Губернаторов, — придёшь в школу с родителями.

Локтями, портфелями вытолкали второклассники Веру из своих рядов по направлению к дошкольнику, а сами сплотились вокруг директоров.

Недолго продержалась Вера на вершине славы. Всё делала по справедливости, а всё-таки пал на её голову гнев второго класса, и бывший помощник Коля Калинин вышел на первое место, да ещё и обвинял её во всём. Как быстро, как неожиданно меняется всё в жизни!

— Окружить деревню! — зычно скомандовал Некрасов.

— Закрывать все входы и выходы! — поддержал его директор Губернаторов.

Размахивая портфелями, бросились второклассники, как воробьи, врассыпную, помчались выполнять приказ директоров. В мгновение ока деревня Ковылкино была окружена.

Из-за каждого кустика, баньки, стожка выглядывали второклассники, и не то что Наполеон Третий — мельчайшая курица не вышла бы из деревни незамеченной.

Взявши друг друга под руки, директора посовещались и решили сами взять деревню в кольцо, оглядеть все входы и выходы дозорным взглядом.

Директор Некрасов пошёл на север, директор Губернаторов на юг, и минут через десять они уже встретились на востоке. Следов Наполеона они не нашли. Наверно, ушёл Наполеон по дороге, которая так была перепахана, что на ней и сам слон не оставил бы следов.

— Надо расспросить местных жителей, — предложил Некрасов.

— Интересная задумка, — поддержал директор Губернаторов.

Около магазина директора сразу наткнулись на местного жителя. Это была соседка Нефёдова, которая тащила очередной десяток хлебных кирпичей.

— Здравствуйте, тётушка, — почтительно сказал Некрасов. — Вы не видали маленькую такую собачонку?

— А на кой же мне пёс маленькая собачонка?!

— погоди, не ругайся, — остановил её Губернаторов. — Это не простая собачонка, а вроде лисы. Хвост пушистый.

— С хвостом видала.

— Где?

— Да эвон на дороге.

— Ну так и есть! — воскликнул директор Некрасов. — Ушёл по дороге! Скорей к машине!

Директора добежали до школы, повскакивали в «газик», который мгновенно же взревел и помчался вслед за Наполеоном.

Ковылкинская дорога бессовестно подкидывала «газик», хватала за колёса, стараясь их оторвать, швыряла в чудовищные бездны — колдобины, вытряхивала из «газика» душу. Гайки с автомобиля сыпались на дорогу, как чешуя с плотвы.

Минут через десять они увидели на дороге какое-то низкорослое пятно. Это был зверёк неясного цвета, кажется, и вовсе без хвоста.

— Наполеон! — закричал директор Некрасов, и в голове его мелькнула ужасная мысль, что хвост чрезвычайному зверю отгрызли дворняжки.

Заслышав рёв «газика», бесхвостое существо соскочило в кювет и злобно затаивало.

Это была незабываемая Полтабуретка, которая рассорилась со всей деревней и решила покинуть её навсегда.

Два дерева в тихом поле

Разбежались второклассники ловить Наполеона, ушли директора. Только Вера и дошкольник Серпокровлов остались у бани.

Они стояли поодаль друг от друга, и каждый глядел себе под ноги.

На два дерева были сейчас похожи дошкольник и Вера, на два дерева, которые оторвались от родного леса и стоят посреди поля. Вроде бы вместе растут, недалеко друг от друга, а всё-таки поодиночке, и каждое само справляется с ветрами и непогодой.

Павел Сергеевич хотел вначале бежать вместе с директорами, но, увидев такие деревья, задержался.

— Лёш,—сказал Павел Сергеевич, подходя к дошкольнику,—объясни всё-таки, что случилось. Зачем ты отпустил Наполеона?

Дошкольник молчал.

— Упорный парень!—вздыхнул Павел Сергеевич.— Но нам-то с Верой ты можешь сказать. Ведь мы тебе друзья.

При слове «друзья» Вера передёрнула плечами, а дошкольник, увидев такое презрение, совсем одеревенел. Потом вдруг вспомнил что-то, достал из кармана верёвку, на которой водили Наполеона, и отдал Вере. Она равнодушно сунула верёвку в портфель.

И снова два дерева стояли посреди поля, чуть ближе друг к другу, а всё-таки совсем чужие и, наверное, разных пород.

Павел Сергеевич хотел было сказать им какие-то правильные слова, но слов таких не нашёл.

— А я, пожалуй, схожу за красками,—задумчиво сказал он,—да баню нарисую. Вы подождите меня, вместе рисовать будем!

Павел Сергеевич похлопал дошкольника по плечу, махнул рукой и скрылся за сараями.

— А тебе нравится баня?—тихо спросил дошкольник.

Вера молчала. Ей даже глядеть не хотелось на человека, который так бессовестно её подвёл, обманул, бросил тень на честное до сих пор имя. Она ушла бы сейчас домой, но почему-то не уходила.

Прошло минуты две. Дошкольник вздохнул и тронул Веру за рукав.

— Вер!—сказал он.

Как противную гусеницу, сбросила Вера дошкольникову руку со своего рукава.

— Ну ладно тебе.

Вера молчала из последних сил. Наконец она не выдержала, окинула дошкольника ледяным голубым взглядом:

— Зачем ты это сделал, Серпокрылов?

— Сама знаешь: ему надо на полюс.

— Какой полюс?! Ты мне-то зубы не заговаривай!

— Я точно знаю.

— Что он, сам тебе рассказал?

— Я проверил. По компасу.

— Ну что ты врешь? Откуда у тебя компас?

— Откуда надо, — ответил дошкольник и достал из кармана плоский и круглый предмет, сильно смахивающий на ручные часы. — Отцовский.

А ведь это и верно был компас, настоящий компас с красной стрелкой, на кончике которой виднелись остатки фосфора.

Дошкольник дёрнул рычажок — и стрелка подскочила на месте, закрутилась, выискивая север.

— Он бежал на север, — сказал дошкольник. — От магазина до вашего дома — точно на север. От вашего дома к сосне — тоже.

— Ну и что?

— Значит, Наполеон бежал на север. Тогда я взял да и отпустил его.

Вера недоверчиво покачала головой, взяла компас и положила на ладонь — стрелка указала на ковылкинскую одинокую сосну. Там, где-то далеко за сосною, лежал Северный полюс — макушка земли, и над ним полыхало полярное сияние.

Вера осторожно шагнула на север. Дошкольник потянулся за ней.

Когда Павел Сергеевич вернулся к бане, он не застал здесь ни Веры, ни дошкольника.

Учитель раскрыл альбом, хотел начать набросок — и раздумал. И баня показалась ему неприглядной. Серым, скучным — небо над нею. И обидно вдруг стало, что ребята его не дождались.

Гора спит

Дорога на полюс шла, оказывается, точно через деревню Ковылкино, мимо магазина, школы, силосной ямы, мимо дома старика Карасёва. И Вера шла по ней, глядя на стрелку компаса, и удивлялась, что никто не видит этой дороги и не ходит по ней.

Старик Карасёв, который сидел на лавочке у калитки, заметил ребят, хотел достать из кармана очки, но раздумал.

Слишком ярко, наверно, сияли колёса вокруг ребят, и старик улыбнулся, залюбовался ими, как будто букетом полевых цветов.

— Как думаешь, поймут они Наполеона? — спросила Вера.

— Наполеон уже тю-тю, — свистнул дошкольник, — мчится на север! — Дошкольник подпрыгнул и бешено задвигал локтями, показывая, с какой именно скоростью мчится Наполеон. Тут он и сам не выдержал, схватил компас, сорвался с места и помчался прямо на полюс.

— Постой! — крикнула Вера, но дошкольник уже скрылся за углом.

Вера поглядела ему вслед и пошла домой.

Разные мысли крутились у неё в голове, и главное — решила она сейчас, что сделала в жизни правильно, а что неправильно.

Как только увидела Наполеона — сразу его покормила. Это, конечно, правильно. Потом привязала на верёвку. Тоже правильно. Чтоб не убежал. Но если он спешил на полюс, тогда это неправильно. Но ведь она ничего про полюс не знала. Ладно, пускай верёвка неправильно. Сажать на верёвку всегда неправильно. Но зато в овраге всё было правильно, и Вера хорошо сделала, что позвала Павла Сергеевича. Потом Наполеона посадили в клетку. И вот тут уже не поймёшь, правильно это или нет. Как государственную собственность его надо был посадить в клетку, но если он рвался на полюс — его надо было отпустить. И тут Вера сплеховала. Но зато исправилась — решила спрятать Наполеона. В общем, кое-что сделала она правильно, кое-что неправильно.

Были в жизни ошибки, были удачи.

«Но зато теперь, — думала Вера, — теперь я за него не отвечаю».

И Вера вдруг почувствовала, что с плеч её свалилась гора. Всё! Больше она за песка не отвечает.

Оказывается, целый день Вера таскала гору на плечах, а даже и не заметила. Нелёгкий выпал для неё денёк: не только камень тащила она в гору, а ещё и другую гору держала на плечах.

Вера распахнула калитку и тут почувствовала, что здорово проголодалась. Долго тянулось классное собрание, навер-

но, обед уж в печке остыл. Ну ладно, главное — гора свалилась с плеч!

Больше Вера ни за что не отвечает. Только за себя. Как это всё-таки хорошо и легко — ни за что, ни за кого не отвечать! А обед можно разогреть на плитке.

Услышав стук калитки, из конуры вылезла Пальма, ласково заворчала. Вера наклонилась погладить её и вздрогнула: утомлённо потягиваясь, из конуры вышел недопёсок Наполеон Третий с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Гора залезает обратно

Когда камень срывается с горы, а потом его тащат обратно — это ещё куда ни шло. Но когда гора валится с плеч и вдруг опять залезает на плечи — это уже никуда не годится. Это может человека подкосить.

Царственное появление Наполеона буквально сшибло Веру с ног. Она уронила портфель, пала на крыльцо. Ужасную усталость почувствовала Вера, и гора, хихикая, залезла на плечи второклассницы, навалилась так, что заболели лопатки.

Гордый, независимый стоял Наполеон у входа в конуру. Как мантия, стелился по земле его императорский хвост, и, как символ власти, держал он в зубах мотоциклетную перчатку.

Редкая выпала доля этой мотоциклетной перчатке. Пропахшая бензином, раньше она только и знала, что хвататься за рогульки мотоцикла, накачивать шины, и каждую минут-

ку чувствовала, что зависит от руки, на которую наде-
та.

Удивительная судьба свела её с Наполеоном — закружи-
лась перчатка в вихре событий, попала в переплёты, какие не
снились варежкам и рукавицам.

Но, наверно, страсть к приключениям заложена была в
перчатке с детства, и хоть потрепали её, покусали — она про-
жила яркую жизнь и, если б пришлось начать сначала, снова
пошла бы тем же путём.

Редко, очень редко рождаются на земле перчатки, у ко-
торых есть в жизни своя собственная, верная, постоянная
линия. О мотоциклетная!

Наполеон на Веру внимания не обратил, снова направил-
ся в конуру, лёгким кивком головы пригласил туда и Паль-
му.

Нет, жизненные передряги никак не повлияли на его ха-
рактер — всё те же благородные манеры, та же глубокая
внутренняя культура чувствовалась в нём. А шуба Наполео-
на выглядела теперь чистой, ухоженной. Видно, Пальма по-
старалась, выбила из неё пыль да грязь, помыла недопёска,
причесала. Белей сахарина блестела полоска на его носу чёр-
ного бархата.

«Опять он здесь, — растерянно думала Вера. — Опять!»

Гора наваливалась на плечи, давила, тянула на дно, по-
гружала в болото размышлений.

Как только вылез Наполеон из конуры, Вера сразу поня-
ла, что теперь ей некуда деться, что судьба Наполеона толь-
ко лишь в её руках и нужно немедленно, сию минуту ре-
шать, что с ним делать.

«Серпоккрылыч», — подумала Вера и хотела уж бежать за
дошкольником, но остановилась.

Она ясно представила себе, что скажет дошкольник. У него была своя верная линия, которая вела прямо на Северный полюс.

Надо было самой решать, что делать: хватать Наполеона или отпустить на полюс.

«Надо отпустить,— думала Вера.— Пусть живёт на полюсе. У него будут детки. А как блестит полоска на носу! Отпущу. Пусть бежит на полюс».

На минутку стало легче.

«От него разведутся самые красивые песцы. Только не в клетке, а на воле».

Вера улыбнулась, успокоилась, только какая-то маленькая трещинка мешала успокоиться окончательно.

«Постой,— подумала Вера.— А ведь я его не держу! Если он бежит на полюс — зачем в конуру забился?»

У Веры закружилась голова, от волнения так заколотилось сердце, что Наполеон даже выглянул из конуры: что это, дескать, колотится?

Он пристально глядел на Веру, будто соображал, что ж она за человек — хороший или плохой, почему так странно смотрит и что собирается сделать.

А ты что делаешь здесь, свободный зверь? Зачем забрался в собачью конуру?

Беги, если хочешь бежать, живи в клетке, если устал. Видно, не нужен тебе Северный полюс, тебя манит тёплая конура, вчерашние щи. Если так, то Вера Меринова ничем не может помочь.

Наполеон Третий — государственная собственность и пусть тогда возвращается на ферму. В конуре, быть может, лучше, чем в клетке, но такой уж большой разницы в этом нет.

— Ладно,— сказала Вера.— Подожду ещё пять минут. Если уйдёт — пусть уходит.

Она подождала пять минут, а потом расстегнула портфель и вынула из него верёвку.

Друзья звероводства

«Надо мне тоже завести пыжиковую шапку,— думал директор Губернаторов.— Это настоящий директорский головной убор. И солидно, и красиво».

«Газик» возвращался в деревню, безрассудно подпрыгивая на ковылкинской дороге. Директора рядышком сидели на заднем сиденье и туго толкались плечами над самыми заковырыстыми колдобинами.

У ковылкинского оврага «газик» остановился. В кустах бузины директора заметили фигуру с удивительной сосновою головой. Это был Коля Калинин, несущий дозорную службу. Для пущей маскировки он натыкал себе за шиворот сосновых веток и, как белочка, выглядывал теперь из них.

— Разрешите доложить! — по-солдатски рывкнул Коля Калинин.

— Докладывай.

— Наполеон нигде не замечен!

— Снимай посты!

Через десять минут все второклассники собрались у школы. Наполеона они не видали и ужасно хотели есть.

— Ребята! — сказал директор Некрасов, взойдя на

школьное крыльцо.—Наполеона мы не поймали. Но кто ищет, тот всегда найдёт. И мы найдём Наполеона. Он далеко уйти не может. Он будет крутиться около деревни, и мы должны быть начеку. Он придёт в деревню за пропитанием. А пока — до свидания!

— Приезжайте к нам ещё!—ответили второклассники, собираясь махать руками, но тут слово взял директор Губернаторов.

— Товарищи школьники!—сказал он.—Вы все теперь юные друзья звероводства. И мы должны обещать директору Некрасову, что не будем смыкать глаз, пока не отловим этого Наполеона.

— Обещаем, обещаем!—подхватили друзья звероводства.

— Потому что Наполеон,—продолжал директор Губернаторов,—ценная зверушка и приносит пользу государству. Такие звери, как этот Наполеон, являются настоящим золотом, потому что их шкурка дорого стоит. Она дорогая потому, что у него красивый мех.

Директор Губернаторов считал себя неплохим оратором и, пожалуй, в этом деле мог заткнуть за пояс директора Некрасова.

Некрасов сразу почувствовал, что его затыкают за пояс, и пожалел, что сам не сказал про друзей звероводства и государственную пользу.

— Правильно сказал товарищ директор Губернаторов,—подхватил Некрасов.—Очень большую пользу государству приносит наша звероферма. Только лишь за этот год мы сдали мехов на миллион рублей.

Услыхавши такие замечательные слова, директор Губернаторов хлопнул в ладоши, и юные друзья звероводства

дружно заплодировали. Портфели они зажимали под мышкой.

Директор Некрасов поднял руку, чтоб добавить ещё что-то посильней миллиона, да так вдруг и застыл.

С вытянутой к небу рукою директор Некрасов напряжённо глядел вдаль, в глубину деревни Ковылкино.

Оттуда, из глубины деревни, по дороге, перепаханной тракторами, медленно приближался к школе недопёсок Наполеон Третий. Его вела на верёвке второклассница Вера Меринова.

Директорское спасибо

Теперь-то Вера была уверена, что всё сделала правильно. Но странное дело — гора с плеч никак не сваливалась, давила, давила.

Понурившись, приближалась Вера к школе, глядела на пышный Наполеонов хвост и ничего прекрасного не видела в нём — хвост и хвост, чепуха, меховой огурец.

Наполеон был ей неприятен: слишком уж легко, слишком беззаботно бежал он навстречу судьбе — прямо в клетку.

«Эх ты, недопёсок! — думала Вера. — Если б ты бежал на север...»

А Наполеон и сам уже не понимал, куда бежит. Когда дошкольник отпустил его, недопёсок побежал было на север, но почему-то оказался у Пальмы. А почему — он и сам не знал.

Он видел сейчас много людей перед собой, очень много.

Они напряжённо молчали, ожидая его, а ведь должны были кричать и размахивать руками.

Но вот он подбежит — и на голову обрушится человеческий рёв.

Наполеон остановился.

Вокруг были люди и заборы.

Наполеон лёг на землю и закрыл глаза. Точно так лежал Сто шестнадцатый перед шофёром Шамовым.

Люди молчали. Чуть заскрипело школьное крыльцо, слышались вкрадчивые шаги. Наполеон почувствовал запах кормовой смеси.

Кто-то подошёл к нему, вдруг крепко взял за шиворот и поднял в воздух. Закружилась голова, послышался далёкий алюминиевый звон.

— Пойдите, — сказала Вера. — Возьмите вот это...

— Что такое?

— Это его перчатка.

— Ну и ну, — засмеялся директор Некрасов. — Зачем же ему перчатка? Кажется, к тому же — мотоциклетная...

Второклассники тоже засмеялись.

Шофёр со зверофермы уносил в машину Наполеона.

Наполеон проплывал по воздуху над головами второклассников.

— Умница, — сказал директор Некрасов, обнимая Веру за плечи. — Как тебя звать? Вера? А как ты учишься?

— Хорошистка, — вставил с крыльца директор Губернаторов.

— Ребята! С этой девочки надо брать пример. Она помогла звероферме. Я хочу сказать ей наше звероводческое спасибо.

Второклассники затаили дыхание, ожидая, как директор будет говорить спасибо. Они понимали, что такое важное спасибо, к тому же звероводческое, сказать не просто.

И директор, как видно, чувствовал, что надо это сделать помощнее. Он набрал в грудь воздуха и сказал изо всех сил:

— Спасибо!

Потряс Верину руку и так крепко хлопнул её по спине, будто хотел сшибить гору, навалившуюся на плечи.

— Пожалуйста, — тихо ответила Вера.

На душе у неё было очень плохо.

Гора наваливалась, давила, давила, выдавила из глаз две слезинки. Вере было очень жалко себя и Наполеона.

Мир помутнел, пропали лица второклассников, растаял директор Некрасов.

Чтоб не расплакаться, Вера сжала зубы и стала глядеть на одинокую ковылкинскую сосну, подпирающую небо. Но вот сосна покосилась набок, стала понемногу расплываться и слилась наконец с ковылкинским серым небом.

Поздний вечер в деревне Ковылкино

Очень уж рано темнеет осенью в деревне Ковылкино.

Чёрные дома, крылатые сараи вбирают дневной свет и прячут его на чердак до завтра. Из погребов выползают сушки, но так они коротки, что не успеешь посумерничать — приходит вечер.

С темнотою тихо становится в деревне. В иных окнах го-

рит свет, а в остальных темно, там уж легли спать, там уже ночь.

Сегодня ночь задержалась. Во всей деревне горел свет, хлопали двери, скрипел колодец. Мамаши и хозяйки месили тесто, рубили лук и капусту для пирожков.

Фрол Ноздрачѣв затеял резать свинью, вынес во двор лампочку в сто свечей, и огромная его тень легла на соседние дома, шевелилась на крышах и стенах ковылкинских сараев.

Мамаша Меринова хлопотала весь вечер, гоняла плотника то в погреб, то на колодец, а Вера крутила мясорубку, готовила начинку для кулебяки. Начинки получился полный таз.

— Дома хозяева? — слышалось с порога.

— Дома, дома! — закричал плотник.

— Здравствуйте, добрый вечер, — говорил Павел Сергеевич, входя в избу. — Не помешал?

— А вот мы с Павлом Сергеевичем грибочки попробуем, — обрадовался плотник.

Мамаша отложила пока месить тесто, вытащила кой-какие грибочки, скорей всего — волвяночки.

— Вера-то наша прямо герой, — улыбаясь, рассказывал Павел Сергеевич. — О ней только и разговору: Наполеона поймала! Ей премию дадут.

— А мы на ту премию тѣсу купим, — радовался плотник. — Крышу перекрывать.

— Да что ты сегодня какая варѣная! — недовольно сказала Клавдия Ефимовна. — Что молчишь?

Вера улыбнулась Павлу Сергеевичу, но никак не знала, что сказать.

— Где ж ты его поймала?

— Он у Пальмы был.

— Вишь ты,— засмеялся плотник,— к Пальме присуе-
дился!

Взрослые о чём-то смеялись, хвалили грибы, а Вера кру-
тила мясорубку. Плохие мысли лезли ей в голову. Вера гна-
ла их от себя, так гнала, что все выгнала и ни одной мысли
в голове не осталось — ни хорошей, ни плохой.

— Нам надо пельмени лепить,— говорил в этот момент
слесарь Серпокрылов.— Ты слепишь сто штук, и я сто штук,
а тогда и спать ляжем.

— Давай, кто быстрее!— сказал дошкольник.

— Давай!— согласился слесарь, стаканом нарезаая кру-
жочки из теста.

Дошкольник схватил тестяной кружочек, чайной лож-
кой положил начинки и мигом скрутил заливчатский пель-
мень.

— Один — ноль!

— Один — один!— возразил слесарь.

Пельмени посыпались как из мешка. Они ложились в ряд
на доске, присыпанной мукою. Иные получались кривы, дру-
гие великоваты, но все были живые, весёлые пельмени, сер-
покрыловские.

— Отстаёшь, отстаёшь,— разжигал слесарь.— Э, да у
тебя начинка вываливается!

— Ну где же, где? — волновался дошкольник.— Вовсе не
вываливается!

В окошко кто-то постучал. Слесарь отодвинул закавказ-
ский лимон, выглянул на улицу.

— Вера!— обрадовался он.— Заходи, Вера.

Вера вошла в дом, остановилась у двери.

— Помоги ему пельмени лепить,— сказал слесарь.— А то он отстаёт.

— Ему помоги,— обиженно сказал дошкольник.

Но слесарь лепил пельмени великолепно. Быстро он закончил свою сотню, понёс в погреб на мороз.

— Возьми,— тихо сказала Вера, протягивая дошкольнику мотоциклетную перчатку.— Это тебе.

— Положь на сундук. Руки в тесте.

Вера вздохнула, положила перчатку на сундук.

— Вот и всё,— сказала она.— Ничего не осталось от Наполеона. Только перчатка.

Дошкольник хмыкнул, старательно вылепливая особенно какой-то большой и фигурный пельмень. Это хмыканье Вере не понравилось. Кажется, дошкольник её не понимал. Конечно, он только и думал о полюсе.

— Ты что ж считаешь — я виновата?

Дошкольник искоса глянул на Веру, а после — на перчатку.

— Вовсе он не бежал на полюс,— сказала Вера.— Он у Пальмы был.

— Ну и что?

— Значит, полюс ему не нужен.

— Чепуха. Он забежал попроситься.

— Это люди прощаются,— сказала Вера и печально показала головой,— а звери нет. Он же не человек.

— Не человек, а тоже понимает.

— Звери не прощаются.

— Ещё как прощаются!

— Что это у тебя пельмень такой кривой получился?

— Да это не пельмень,— ответил дошкольник Серпокрылов, придвигая к Вере странную фигурку из теста.

— Наполеон! — ахнула Вера.

— Видишь, он кланяется тебе, прощается...

— Не знаю прямо, что и делать, — говорил в этот же момент директор Некрасов, — то ли пельмени лепить, то ли кулебяку закручивать. Давай, Катюша, заделаем и то, и другое!

Сильными белыми директорскими руками он схватил колобок теста и принялся его разминать. В этот вечер директор Некрасов вылепил полторы сотни пельменей, но и в голову ему не пришло, что директор Губернаторов слепил двести.

Наконец и дошкольник разделался с пельменями, отрянул руки, примерил мотоциклетную перчатку.

— Значит, я виновата, — сказала Вера.

— Он снова сбежит, — успокаивал её дошкольник. — Не волнуйся. Теперь его не удержишь!

— За ним знаешь как будут смотреть!

— Сбежит, сбежит...

Долго тянулся вечер, задерживал, отодвигал ночь, но вот наконец она нахлынула на землю, погасила все окна, а в небе над одинокой сосною, по дороге, сотканной из мельчайших звёздочек, медленно помчался Орион. Тускло горела красная звезда на его плече, сверкал кинжал, звёздным остриём указывал на водокачку, отмечающую над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Песцы давно уж заснули. Только Маркиз и Сто шестнадцатый металсь по клеткам, корябали решётки и глядели не отрываясь на свернувшегося в клубок Наполеона.

Долго в эту ночь не спал Наполеон. Он глядел на водокачку и слушал, как что-то бурлит, переливается в её кирпичном брюхе.

Издадека, из деревни Ковылкино, доносился слабый собачий лай.

Далеко за деревней, за горбатыми домами и заборами, лежал Северный полюс — макушка земли, но только Орион видел, как подыхает над ним полярное сияние.

На этом заканчивается повесть о недопёске Наполеоне Третьем. Добавить больше нечего, кроме того, что ровно через месяц недопёсок снова сбежал. На этот раз он нигде не задерживался и наверняка добрался до Северного полюса.

Содержание

Часть I

Побег	5
Алюминиевый звон	6
Характер директора Некрасова	8
Давило	10
Снежное поле	12
В лесу	15
Кто стрелял?	18
Веря	20
Барсучья ночь	22
Маркиз	25
Сто шестнадцатый разрывается на части	27
Серая лиса	32
Колпаки и колёса	34
Бой с дворняжками	36
Хороший плотник Меринов	39
Пальма	41
Ночь в конуре	43
Большая Вера Меринова	47
Вчерашние щи	49
Полтабуретка	51

Часть II

Дошкольник Серпокрылов	57
На полюс!	61
Колёса, которые видит старик Карасёв	63
На севере диком...	68
Приключения на Северном полюсе	73
Бой у ковылкинской сосны	77
Сервилат	80
«Всё путём»	82
Бег на Северный полюс	87
Сикимора	92
В каждом приличном доме имеются мыши	95
Масло, подлитое в огонь	97
Третья ночь	99
Раннее утро в деревне Ковылкино	101
Утренние взгляды директора Губернаторова	104
Характер Веры Мериновой	108
Три телефонограммы	110
Что делать?	114
Каша, заваренная на большой переменке	116
Интересные задумки директора Губернаторова	120
Второй класс глядит на Менделеева	124
Два директора	128
Речь директора Некрасова	133
Наполеон Пятнадцатый	136
Зуб дошкольника Серпокрылова	138
Последнее убежище Наполеона	142
Окружение и погоня	147
Два дерева в чистом поле	150
Гора с плеч	154

Гора залезает обратно	156
Друзья звероводства	160
Директорское спасибо	162
Поздний вечер в деревне Ковылкино	166

Серия: «Золотая библиотека «Малыша»

Для младшего школьного возраста

Юрий Иосифович Коваль

НЕДОПЕСОК

Повесть

Художник Д. Трубин

Редактор Е. Пезина
Художественный редактор М. Салтыков
Технический редактор О. Кистерская
Корректор Н. Шадрина

ИБ № 0083

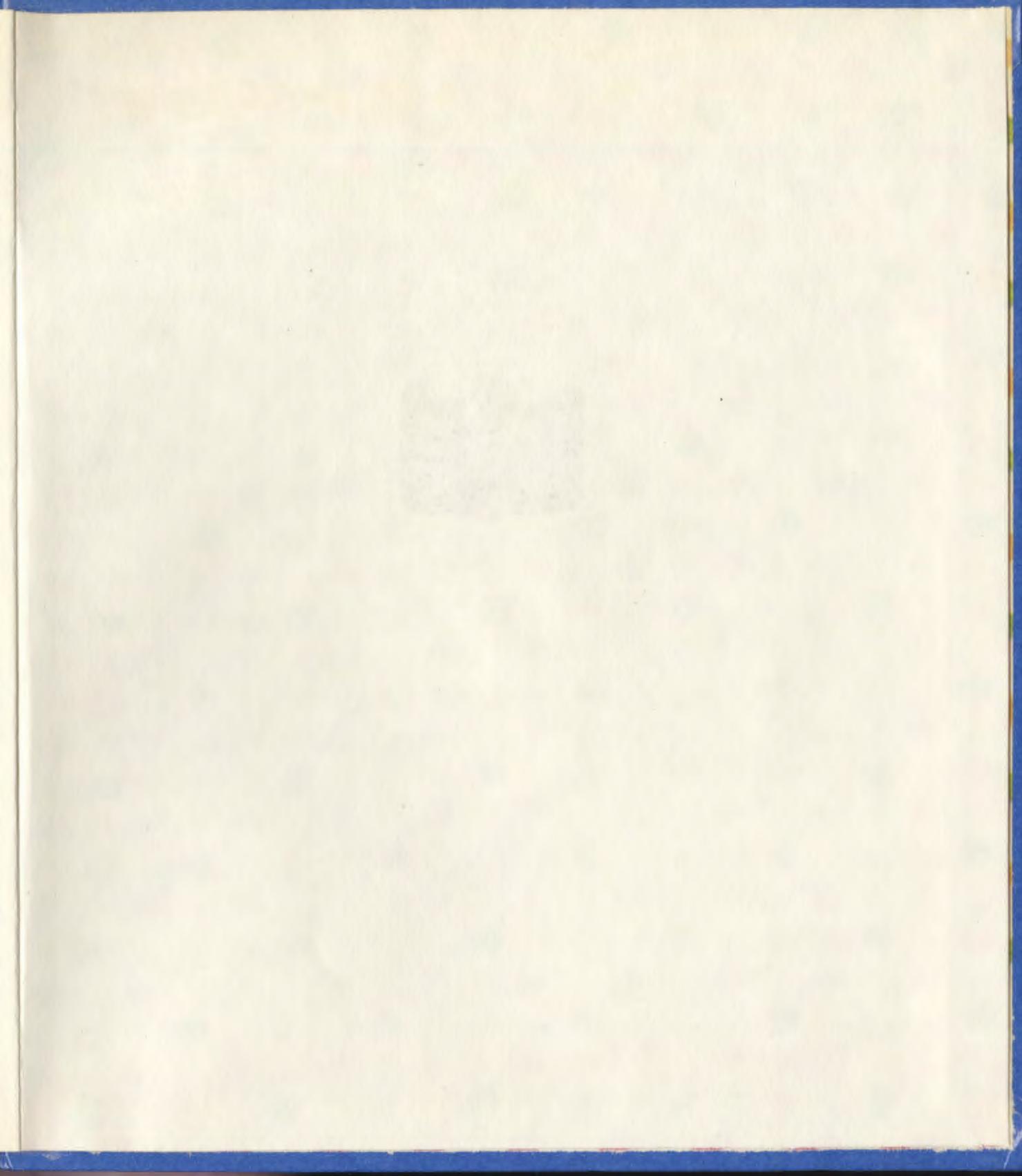
Сдано в набор 04.03.94. Подписано в печать 20.06.94. 84×90/16.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Академик. Печать офсет. Усл.
печ. л. 15,4. Усл. кр.-отт. 63,14. Уч.-изд. л. 7,69. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 13376. Заказ 2523. С—033. Издательство «Малыш».
121352, Москва, Давыдовская ул., 5. ЛР № 010004 от 17.09.91.
Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской
Федерации по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Ок-
тября, 46.

К 4803010201—033 без объявл.
М102(03)—94

ISBN 5—213—01562—X

© Коваль Ю. И., 1994.
© илл. Трубин Д. А., 1994.

САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ, САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ

произведения русских
и зарубежных писателей
для детей
читайте в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА МАЛЫША»

Готовятся к выпуску:

А. Толстой «Золотой ключик»

Я. Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали»

К. Чапек «Большая кошачья сказка»

М. Метерлинк «Синяя птица»

